

Владимир Дмитриевич Михайлов

Вариант «И»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=135537

Вариант «И»: АСТ; Москва; 2004
ISBN 5-17-021994-6, 5-9577-1000-8

Аннотация

В России недалекого будущего бушуют изощренные шпионские страсти. Правление мафиозных кланов, военная диктатура, засилье неофашистов, мрачный период власти интеллигенции – все это уже позади. Теперь дело за монархией. Вот только... Одно лишь маленькое «но» – пока два более или менее законных наследника династии Романовых более или менее законными путями рвутся к власти, на горизонте возникает кандидат в государи несколько неожиданный: шейх Абу Мансур, защитник ислама – религии, которая в своей глубинной сущности оказалась наиболее близка загадочной русской душе...

Содержание

Глава первая	4
1	4
2	20
3	32
4	37
5	41
6	52
Глава вторая	65
1	65
2	68
3	96
4	107
5	114
Глава третья	128
1	128
2	134
3	145
4	161
5	168
Конец ознакомительного фрагмента.	176

Владимир Михайлов

Вариант «И»

«Возможны варианты».

Из объявлений

Глава первая

1

Двадцать пятого апреля 2045 года я высадился из Schlafwagen'a Мюнхенского экспресса – длинного серебристого питона, крутобокого и по-змеиному бесшумного в пути – под стеклянными сводами Европейского вокзала (в свое время – точнее, до 2022 года – он назывался Белорусским) – и с некоторой грустью установил, что если двадцать лет тому назад, когда с этого же, кажется, перрона я покидал Москву, меня провожал в дорогу самое малое один человек, то сейчас встречал ровно на одного меньше. Вопреки надежде.

Убедившись в этом, я окончательно поверил в то, что никто не бывает столь злопамятным, как женщина. Если даже обида была ей нанесена (а вернее – она решила, что ее обидели) два десятка лет тому назад. И еще я подумал, что все-

таки даже женщина не должна ставить деловые отношения в такую зависимость от личных. Тем более что мои намерения оставались самыми лучшими.

Однако факт есть факт.

...Носильщик подплыл, возвышаясь над тележкой, словно гондольер над своим плавсредством, – молодой парень юго-восточного типа. Подъезжая, он глядел в сторону и чуть вверх, словно видеть меня было ему неприятно. Я готовился и к такому приему, но одно – знать что-то теоретически, и совсем иное – столкнуться самому. Я отлично помнил, как встречали здесь приезжих из Европы в мое далекое ныне время: как близких и дорогих родственников, наконец-то собравшихся навестить своих присных; дорогих – потому что богатых. Контраст был разительным, и, как я ни был подготовлен, такая встреча меня, откровенно говоря, задела глубже, чем я ожидал.

Приблизившись вплотную, носильщик все же удостоил внимания – не мою персону, но багаж. Небрежно кинул дорогой кофр из мягчайшей кожи, оснащенный ремнями и пряжками, словно вождь островного племени, на свою платформу, помедлил секунду, пожалуй, ожидая, что проводник вынесет еще что-нибудь, – и, так и не одарив меня ни единым взглядом тонированных глаз, развернул телегу на шестнадцать румбов и почти выразил готовность двинуться в путь.

И в это мгновение я ощутил затылком чей-то пристальный, тяжелый и холодный, как железо на морозе, взгляд.

Способность воспринимать не глядя внимательные чужие взоры свойственна многим; но лишь редкие развивают ее по-настоящему – и вовсе не потому, что это доставляет им удовольствие. Одновременно вырабатывается и умение обернуться в долю секунды, чтобы перехватить взгляд прежде, чем смотривший успеет отвести глаза.

Мне это удавалось раньше; вышло и на сей раз. Я не знал этого человека, что, впрочем, было совершенно естественно. Но теперь мог бы, пожалуй, опознать его в любой день и час. Потому что взгляд его был не из числа случайно брошенных. И – что еще важнее – выражал ненависть не менее ясно, чем смогли бы сделать это слова. Хотя все остальное на лице его было до странности невыразительным. То была физиономия тупого, неспособного размышлять человека, скорее даже дауна.

Я понимал, что, несмотря на видимое отсутствие встречающих, мой приезд будет замечен, теми, кому и полагалось знать о нем. Не сомневаюсь, что они тут находились. И смотрели. Но совершенно не так.

Следовательно, я должен был вести себя паинькой, словно ничего не заметил, не почувствовал, не ощутил.

Однако быстрое движение головой само по себе могло рассказать обо мне понимающему достаточно много. Поэтому я попросил носильщика чуточку обождать (в моем русском явственно сквозил баварский акцент), и пока он, завязав тугим узлом остатки терпения, переминался с ноги на

ногу, я медленно продолжал оглядываться (в общем-то естественное движение для приезжего). Но больше ничего, что было бы достойно внимания, не заметил; жиденский ручеек пассажиров уже иссяк, разбиваясь в конце перрона на рукава и рукавички, поблизости от меня не осталось никого, не считая мотострелка с моей кладью; я поглядел в спину какой-то старухе, в низко повязанном, почти скрывавшем лицо платке, походившей на монахиню; она удалялась, ковыляя вслед за остальными, и я пришел к выводу, что сию минуту никакие неожиданности мне вроде бы не грозят.

Впрочем, обстоятельная рекогносцировка всегда полезна. И за пару минут, в течение которых носильщик исчерпал свои скудные запасы кротости, мне удалось установить, что одно, пожалуй, оказалось новым по сравнению с тем, что можно было наблюдать здесь два с лишним года тому назад.

Я вовсе не хочу этим сказать, что в указанное время побывал здесь; был некто другой, кому я верю так же, как самому себе (много это или мало? Оба предположения, похоже, равно вероятны). И вот когда он оказался тут – повторяю, два с половиной года тому назад, – он, смело могу поручиться, не видел ни в этом, ни в каком-либо другом месте российской столицы такого обилия плакатов, какими сейчас были облеплены стены, киоски и даже вагоны: плакатов, касающихся предстоящего референдума и – что еще интереснее – Избрания, которое могло бы состояться одновременно с народным волеизъявлением. Для экономии средств эти два

события – каждое из них смело можно считать эпохальным – были объединены воедино. Имелась, вероятно, и еще одна причина: чем больше вопросов валится в одну кучу, тем больше вероятность, что рядовой обыватель в них не разберется; нынешним же властям очень хотелось, чтобы в массах возобладал старый принцип: лучше уж так, как есть, чем неизвестно как. Это правило торжествует, когда людям непонятно, что и зачем им предлагают переменить.

А впрочем, все это меня не очень-то касалось. Я приехал сюда по приглашению, чтобы поработать над несколькими текстами; с моим мнением, бывает, еще считаются. И если сейчас что-то и заставляло меня осматриваться, то скорее всего это было чистое любопытство и ничто иное.

Да, два года с половиною тому назад вокзал не походил на политический вернисаж; но и вопрос о референдуме тогда еще не был решен, а всего лишь горячо обсуждался всеми, кто имел или верил, что имеет какое-то отношение к высокой политике. Поэтому человек, посетивший тогда Москву, ничего подобного видеть не мог.

Больше не следовало терять времени впустую, хотя, может быть, я и еще полюбовался бы – не без удовольствия – на размещившиеся лицом к лицу (как на очной ставке) образцы предвыборного искусства, форматом примерно пять метров на три каждый. На одном из них голубоглазый, с льняного колера локонами лихач-кудрявич в дедморозовском алом кафтане и васнецовском шишаке, олицетворявший, надо по-

лагать, Россию в этнически идеально чистом виде, устремлял напряженный, словно тетива, перст горе, где парил в воздухе, на пуховых облачках, исторический Мономахов венец, служивший основанием для православного креста; внизу было начертано стилизованными кириллическими литерами. «Дадим дому Романовых еще триста лет! Россия, помни о своем величии! Избери Алексея! Православие, монархия, российскость!» В другой руке витязь держал повод лихого коня в чеканной сбруе. На противоположном изображении такой же точно русич, но одетый на современный европейский лад, а кроме того, имевший на лбу несколько неожиданную зеленую повязку (зеленый же цвет символизирует, как известно, не только лишь твердую валюту или партию защитников природы), на фоне длиннейшего лимузина «ЗИЛ-Надим» (популярного как самый длинный в мире автомобиль нынешнего сезона), позади которого – в отдалении, как бы в некоей дымке – рисовался несколько напоминавший Останкинскую иглу минарет, – не менее решительно возглашал, указуя прямо на ярчайшее, явно вангоговского происхождения солнце: «Долго ли тебе еще страдать, Россия? Свет и истина приходят с Востока!» Похоже, что Всероссийская Избирательная Комиссия по допущению претендентов на Великое Избрание твердо стояла на позициях чистоты расы; правда, была, как я знал, еще и другая комиссия – Геральдическая, проверявшая истинность принадлежности обоих к дому Романовых; но официально это не было обя-

зательным. И на фоне сих шедевров почти незаметными были гораздо более скромные произведения, напоминавшие о Столетьи Победы, приходившемся именно на этот год. Зато изо всех сил старался привлечь внимание каждого прибывающего в Москву пассажира огромный – площадью равный обоим Кудрявичам, вместе взятым – щит, украшенный уже не обобщенным ликом, но весьма конкретным и знакомым портретом нынешнего кандидата в президенты, главы самой, пожалуй, крикливой партии; щит был снабжен выразительной, а главное, куда более конкретной надписью: «Сохраним президентство! Сделаем его пожизненным и наследственным! Отстоим демократию!» «Народную» – было размашисто приписано красным, от руки, а вернее, из баллончика. Однако в эту третью фирму нынче мало кто инвестировал средства, кроме самого кандидата, за которым стояла лишь одна, правда, но зато мощная природная монополия. Вообще-то над наглядной агитацией, наверное, стоило поразмышлять.

Но время! Я вздохнул, снова огляделся, но не увидел ее. А ведь, если быть честным, только потому я и медлил: надеялся, что подоспеет все-таки: вовремя она никогда не приходила. Однако все сроки, допустимые вежливостью, прошли. Я убедился, что мой кейс надежно пристегнут к запястью стальной цепочкой, кивнул носильщику и неторопливо, как и полагается человеку моего возраста, зашагал к выходу. Носильщик рулил впереди. На развилке он задержался

и, поджидая меня, обозначил некоторое движение в сторону эскалатора, уводившего наверх, на стоянку гелитаксов; я, однако, покачал головой и свернул направо – на транспортер, доставлявший пассажиров на стоянку нормальных таксомоторов, при движении опирающихся на твердь земную. Мне приходилось слышать о множестве воздушных катастроф, в том числе и в России; небо же над прилегающей к Европейскому вокзалу площадью, как известно было каждому москвичу, крест-накрест пересекалось, хотя и на разных высотах, двумя линиями монорельса, и тут же, совсем рядом, дырявила низкие тучи Тишинская пирамида, место пребывания множества контор (европейских, аравийских, пакистанских, ближневосточных и дальневосточных), и все это весьма затрудняло взлет с верхней площадки – а о лихачестве московских гелитаксеров я успел понаслушаться всякого; и, как сказано в Коране, в суре «Йусуф», аяйте сто одиннадцатом: «В рассказе о них есть поучение для обладающих разумом».

Мы как раз выходили на привокзальную площадь – хотя все еще свободный кусочек асфальта перед Европейским вряд ли заслуживает такого названия, но на свете есть площади и поменьше, – когда над нею, на несколько мгновений перекрывая уже не воспринимаемый слухом серый машинный шум, разнесся пронзительно-печальный призыв к аль-зухру, судя по времени; значит, для азана отвоевали-таки место в городской радиопрограмме. «Хаййа аля с-салат». Ну что ж, все идет своим путем. Самое время было правовер-

ным определять, где тут кибла.

Мне же следовало побыстрее уехать: перехваченный взгляд (обладателя его я более не замечал, он исчез профессионально быстро) свидетельствовал, что о моем приезде тут знали не только те, кому надо, но и кому никак не полагалось. Однако я успел заметить, что некоторые из привокзального народа – и не так уж мало, – вероятно, не столь обремененные заботами, отойдя в сторонку, вынимали и разворачивали свои джай-намазы, дабы вознести молитву. Как сказано в суре первой, открывающей Книгу: «Тебе мы поклоняемся и Тебя просим помочь!»

Чтобы рассчитаться с носильщиком, пришлось воспользоваться услугами банкомата. Обменный курс неприятно удивил: похоже, неизбывное стремление грабить приезжающих все еще процветало в России. Сильнее, чем оно, в этой стране всегда было лишь желание обчищать своих соотечественников.

Мог ли я тут считаться соотечественником? Давно живущий в Германии разъездной корреспондент и соредактор русскоязычного журнала «Добрососедство», издающегося не в Берлине (как можно было бы ожидать), а в провинциальном Аугсбурге – потому что российская эмиграция конца прошлого века почему-то всем землям предпочитала Баварию, журнал же существовал именно на потребу этой группы германского населения, – но и в этом городе бывающий достаточно редко, мотающийся по всему миру и порой надолго

исчезающий из поля зрения, кем я был сейчас в России?

Я не стал задумываться над этим вопросом; нынче другое было важно. Упрятал карточку поглубже в карман, тщательно пересчитал полученное из банкомата в обмен на высокостоящие евро и убедился в том, что стал обладателем одной тысячи рублей, или ста россов (так назывались банкноты, возникшие в этой стране после реформы 2026 года, то есть уже без меня). Один росс я протянул носильщику и, против ожидания, получил сдачу. Вернул носильщику мелочь и попросил его принести газету из видневшегося неподалеку киоска.

– Какую, сеид? – спросил он, позволив мне установить, что нерусское обращение это все-таки привилось. Не знаю, надолго ли.

– М-м... – сказал я. – «Известия»? Да, пожалуй. И еще что-нибудь, по вашему просвещенному выбору. Кстати, не обременяйте меня сдачей.

– Как вам будет угодно, сеид.

Поистине трингельд – прекрасный способ воспитания вежливости. Даже и в России – если только Москва является Россией.

Закинув мой кофр в багажник такси, носильщик потрусил к киоску, я ждал его, опираясь на приоткрытую дверцу «ГАЗ-Эмира»; именно такой была марка машины, на взгляд не уступавшей лучшим немецким фирмам, но на них не похожей. Высвободившиеся секунды я использовал для того,

чтобы оглядеть площадь. Пока что, протискиваясь вслед за носильщиком к стоянке, я успел лишь мельком заметить, что в газетном киоске наличествовало множество изданий, но в целом выглядел он не столь ярко, как в былые времена: заметно убавилось голых красоток и всякой родственной им тематики. Зато газеты можно было выбрать практически на любом языке. Быть может, именно потому носильщик – показалось мне – слишком замешкался перед киоском: наверное, пытался решить, на каком же языке мне больше всего нравится читать.

Оставалось только глядеть на площадь.

Изображение возникало медленно, словно картинка на проявляющейся в ванночке фотобумаге. Но тренированный взгляд уже отмечал разные мелочи, достойные внимания, даже без участия сознания. Достаточно много, чтобы принять в расчет, виднелось мужиков, а еще больше – парней с выбритыми головами; интересно. В моду вошли, надо полагать, вуалетки; лица женщин не закрыты, разумеется, никоим образом – и все же... Впрочем, так даже пикантнее. Неподалеку от газетного киоска четверо парней, бритоголовых, от души лупцевали одного – патлатого. Раньше за локоны не били. *Tempora mutantur...*¹

Я не успел мысленно закончить древнее изречение, одно из десятка, что я еще помню по-латыни. Потому что ко мне как-то очень незаметно приблизился человек. Его прежде

¹ Времена меняются... (лат.)

неподвижное лицо сейчас украшала приятная улыбка, хотя легко угадывавшаяся под пиджаком кобура несколько портила фигуру. Впечатления не улучшало и то, что это именно он несколько минут назад на перроне пытался взглядом просверлить мне затылок.

– Здравствуйте, Саладин Акбарович, – проговорил он не тихо, но и не громко – совершенно нормально проговорил. – С возвращеньцем...

Он, разумеется, ошибся. Мое имя от рождения – Виталий Владимирович, он же, надо полагать, принял меня – ну, не знаю за кого: за араба, может быть, хотя я исторически нормальный русак. Или почти нормальный. Правда, от природы смугловат, да и последние полтора месяца, проведенные то в Эль-Ваджхе, то в Джидде – словом, на побережье Красного моря, как правило, не страдающем от отсутствия солнечного света, – добавили теплых оттенков в мою внешность. Но спутать так... Намеренная ошибка? Нет, я не встречал заговорившего никогда в жизни. И долю секунды метался в поисках подходящего к случаю ответа.

– Извините, я не подаю.

Не знаю, что возразил бы он на мое едва замаскированное оскорбление; к счастью, подоспел носильщик с газетами. Я сгреб их и, хотя дорожил минутой, не удержался, чтобы не спросить:

– Там, близ киоска – за что они его?

Носильщик, разумеется, оказался в курсе.

– За непочтение к старшим. Ехали в одном вагоне в электричке – он там не уступил места старику.

– Полицейский словно не видит.

– В такое не вмешиваются, сеид.

– Одну минутку... – снова заговорил неизвестный.

Но я уже рыбкой нырнул в машину, захлопнул дверцу и дал водителю адрес:

– Отель «Рэдисон-Славянская».

Он врубил скорость. Задок машины завибрировал – и я вместе с ним. Ощущение было неприятным.

– Задний мост? – поинтересовался я.

Он кивнул.

– Чего же так? – сказал я. – Новая машина...

Водитель аккуратно опустил стекло, сплюнул наружу и снова поднял, нажав кнопку.

– Наша работа... – пробормотал он, завершив эту процедуру. – Абы продать... – И после некоторой паузы добавил, словно угрожая кому-то:

– Вот мусульманы все схватят, дадут просратья...

– Что, много их уже понаехало?

– Да не сказать. наших, русских, среди них все больше становится. Эти прямо-таки звереют, даже со стопарем к нему не подойдешь...

– А вы за кого? – осмелился полюбопытствовать я.

Шофер ответил не сразу:

– А пошли они все...

И, еще помолчав, добавил:

– Все будут за того, кто жить даст нормально. Чтобы если, скажем, едешь поглядеть на заграницы, относились бы, как ко всем людям и лучше даже. Только откуда такой возьмется?

– Ну а если государь?.. – не утерпел я.

– Ну, от начальства разве чего дождешься. Да еще и кого выберут?

На этот вопрос можно было бы ответить много чего; но я не стал продолжать разговор. Откинулся на спинку сиденья и хотел закрыть глаза, но раздумал: надо было смотреть, смотреть, только смотреть. Хотя бы из чистого любопытства. Все-таки интересно: что случилось в Москве за столько лет, благополучно прожитых ею без меня? И не менее интересен незнакомец. Тот, что принял меня совсем за другого человека.

Да, значит, кто-то в Москве помнит Салах-ад-Дина ибн Акбара Китоби, побывавшего здесь два с половиной года назад, в январе 2042-го, в связи с некоторыми делами, в том числе и теми, что интересовали меня сейчас. Но я-то – честь имею, Виталий Владимирович Вебер, из российских немцев, но в общем откликающийся, когда говорят: «Эй ты, русак!» – тут вот уже двадцать лет как не был. С самого дня отъезда, состоявшегося в 2025 году, от чего никуда не денешься.

...Машина взлетела на эстакаду, простершуюся над старому узкими ущельями Брестских улиц, чтобы на втором ярусе движения совершить, проскочив съезд на Тверскую, плавный поворот к Триумфальной. Миновали развязку, выведившую вверх – на третий ярус, на магистраль Север-Юг, и вниз – к Каретному ряду. Я пожалел, что не попросил шофера ехать улицами: отсюда, сверху, мало что можно было увидеть; придется отложить на потом.

Однако тут же я подумал, что этого «потом» может и не быть. Мы уже снизились на первый ярус на Смоленской развязке, по эстакаде промахнули над Москва-рекой левее старого Бородинского моста и оказались на поверхности земли на длинной площади перед Балканским вокзалом, бывшим Киевским. Шофер безмолвно крутил баранку. И вдруг, почти неожиданно для самого себя, я сказал ему:

– погоди к отелю. Сделаем колечко. Хочется посмотреть – давно я тут не бывал. Развернись, выскочи на Смолягу, по Дубль-Арбату в центр, и уже оттуда, через Пречистенку – назад.

Ни слова не сказав, он пошел на разворот, чтобы спуститься на набережную.

После непростых маневров мы выбрались на Кольцо. Я держал газету в руках, но читать не стал. Мне хотелось видеть. Видеть и думать. Я доверяю первым впечатлениям. От них зависят решения. А они, в свою очередь, должны повлиять на действия. Которые, хочешь не хочешь, придется со-

вершать.

2

С первого взгляда можно было, не ошибаясь, определить, что город сделался наряднее, хотя и не чище, или, вернее сказать, стал выглядеть богаче. Народу на улицах было полным-полно – всяких цветов; одевались отнюдь не бедно – но и не столь ярко, как в мои времена; в красках и покроях ощущалась некая сдержанность. Снова вуалетки, снова бритые головы. Бород стало побольше, несколько изменился их фасон – мне, недавно побывавшему, как уже упоминалось, на Аравийском полуострове, он не представился странным. Число машин, пожалуй, выросло – но если прежде в Москве преобладала европейско-японско-американская техника, то сейчас (показалось мне) отечественной стало значительно больше – не старых, доезжавших век одров, но современных – нижегородских, московских, уральских, красноярских, минских, кенигсбергских и еще каких-то, мне и вовсе не известных. Витрины выглядели цивилизованно, хотя судить о ценах я пока не мог. Транспорт при движении придерживался правил, что всегда является убедительным признаком соблюдаемого порядка и спокойствия; полиции, однако, виднелось много, и, судя по автоматам, какими были вооружены городовые, она готовилась – в случае нужды – к решительным действиям. Ничего удивительного: шейха Абу Мансура Мухаммада ожидали с часу на час, а врагов – не

шейха лично, а его миссии – было вряд ли меньше, чем сторонников. Нищих я не увидел, впрочем, это практически и невозможно из окошка машины; а вот хмельных заметил бы, но их, похоже, не было вовсе; весьма характерно и интересно, да и приятно к тому же. И во множестве витрин бутылки со спиртным занимали куда меньше места, чем раньше, зато всяких прохладительных виднелось множество – и не только западных. Среди прохожих стал, надо полагать, несколько больше процент азиатов – туристов или, может быть, иммигрантов, еще не успевших сменить национальные бурнусы и галабии на здешнюю одежду или не пожелавших подобного переоблачения. Ну, что же, Москва всегда была городом разноплеменным.

Мы ехали по центру, который в любом историческом поселении наиболее консервативен и менее подвергается перестройкам; и тут ничего такого, что бросалось бы в глаза, я не заметил. Что-то ремонтировалось, другое строилось заново – однако в этом ничего удивительного не заключалось, разве что архитектура новостроек изменилась. Что-то появилось в ней, с трудом уловимое, но все же восточное, как бы из «Тысячи и одной ночи», со старых персидских миниатюр в современном толковании. Но когда мы, выкатываясь на Пречистенку, задержались перед светофором, я углядел нечто и не утерпел, чтобы не спросить водителя (хотя и без него все было ясно, потому что с той стороны валил народ: закончился намаз, видно; многие были в зеленых повязках на лбу):

– Это на чем же полумесяц: на Христе Спасителе, что ли?

– Ну, – откликнулся он голосом, лишенным эмоций.

– А пристраивают что?

– Каланча эта? Вроде их колокольни – только не звонят, а кричат сверху.

– Минарет?

– Вот-вот. Откупили они его, что ли, – не помню уж, что говорилось... За большие деньги. Черт знает, сколько у них денег.

Я тоже знал – примерно; но не сказал, а снова приблизил лицо к оконцу. По сравнению с былыми временами, вывески на английском почти сошли на нет; зато возникло нечто новое: струящиеся справа налево куфи – на стекле, в металле, а то и в неоне. Примерно – прикинул я – одна арабская вывеска на два десятка русских, и одна латиницей – на полсотни. Раз-другой я заметил и еще некий шрифт, и вовсе не ожидавшийся: алеф бет. То были уже существенные признаки возможных в недалеком будущем перемен.

Мы ехали мимо российского Министерства иностранных дел. Здание ремонтировалось. Деньги, значит, появились у властей и на такие дела... И не только на ремонт, но даже – что они, совсем спятили, что ли? – на пальмы, что без особого успеха пытались расти в некоторых местах Кольца и на Смоленской тоже. Может, вскоре и Красное море начнем рыть под Москвой – название-то, можно сказать, национальное...

Пока я пожимал плечами и крутил головой, удивляясь неизбежной российской лихости в намерениях, мы свернули вправо, через минуту оказались на Бородинском мосту – здесь никаких перемен я не увидел, только покосился налево вверх, на эстакаду, на которой мы недавно находились, – и наконец достигли цели.

Вслед за лбом в униформе, несшим багаж, я вошел в холл. Рецепционист, кроме ключа, вручил мне три конверта: побольше, поменьше и третий – совсем маленький, все адресованные именно мне и никому другому: господину Веберу, Виталию Владимировичу, корреспонденту русского журнала «Добрососедство», издающегося в Аугсбурге, Бавария, Германия.

Я вскрыл большой, заранее догадываясь о его содержимом. Так и есть: это было официальное приглашение на прием, коему предстояло совершиться сегодня вечером в Кувейтском посольстве в связи с государственным визитом шейха Абу Мансура Мухаммада, главы правительства названной страны. Маленького конверта я вскрывать не стал, отложив ознакомление с его содержимым на потом. На ощупь там угадывался лишь один листок бумаги. Что же касается среднего, то его следовало вскрывать, фигурально выражаясь, при красном свете: крохотная эмблема в левом верхнем уголке – затейливо переплетенные буквы «РЕАН» – предупреждала о необходимых предосторожностях.

Лифт, казалось мне, полз слишком медленно. Наверное,

я устал. Совсем некстати, надо сказать. Наконец посыльный ушел, получив законно полагающуюся мзду. Это в России умели не хуже, чем в любой другой стране, цивилизованной или не очень. Я проверил, хорошо ли он закрыл за собой дверь. Он закрыл плотно. Хвала Аллаху, Господу миров! И стало можно – мне давно уже не терпелось, – оставшись в одиночестве, расслабиться, чтобы собраться с мыслями.

Я немного передохнул в кресле, вертя в пальцах запечатанный конверт неизвестного происхождения. Вряд ли он был способен взорваться. Конечно, в нем мог содержаться какой-нибудь порошок – со спорами сибирской язвы или чего-то другого, столь же убедительного. Ничего – задержим только дыхание... Придя к такому выводу, я аккуратно вскрыл его.

Это было, к сожалению, не письмо от Ольги, – а ведь именно его я подсознательно и ждал. И не официальное. На хорошей белой бумаге от руки было написано лишь несколько строк.

«Вит! Обязательно нужно увидеться до вечера. Срочно, важно. Сейчас же позвони...»

Дальше следовал номер телефона. Подпись: «И. Липсис». Дата – сегодняшняя. Время – я глянул на часы – за час десять минут до моего появления в отеле.

М-да, – подумалось мне. – Что потом – неизвестно, а пока – Липсис. Действительно – апокалипсис... Откуда его черти взяли? И зачем?

Я еще раз внимательно осмотрел конверт. Веберу. То есть мне. Однако очень любопытно: откуда Изе известно, что Вебер – это я, или же что я – это Вебер? Оч-чень интэрэсно, как говаривал, по слухам, в свое время товарищ Сталин.

Ну ладно. А чего же хочет от бедного странника Реан?

Конверт я вскрыл в темной ванной, пользуясь инфракрасным фонариком, какой имелся в моем кейсе вместе со всяким другим дорожным барахлом. Да, эта цидуля тоже адресовалась именно мне, хотя в ней меня Виталием Владимировичем не именовали. Текст был следующим:

«Редактирование откладывается. У автора температура. Предполагается двустороннее воспаление. Просьба принять все меры по сохранению здоровья. Все полномочия».

Прочитав, я включил нормальный свет и несколько секунд наблюдал за тем, как бумажка с текстом таяла в воздухе, как капля воды на раскаленной плите.

Известие было очень неприятным. Хотя, правду сказать, и не вовсе неожиданным. Уже вокзал навел меня на кое-какие мысли. Новый повод для размышлений и выводов. И, конечно же, действий.

Но не сию минуту. Надо, надо перевести дыхание. В наши дни лучший отдых, как известно, – перед ящиком. Я глянул на часы. Самое время. Щелкнул пультом. Шло какое-то чтение – на арабском; был теперь и такой канал. Я переключился на новости.

К только что подрулившему к стоянке самолету с изобра-

жением кувейтского флага на стабилизаторе – то был «Ту», никак не «боинг» – как раз подали трап и в темпе разворачивали ковер. Почетный караул застыл, как нарисованный. Выход открылся. Шейх Абу Мансур – во всем национальном – спускался по ступенькам медленно, достойно, снижался, а не спускался. Вот ступил на ковер. Распахивались объятия. Но меня интересовал не столько сам шейх, сколько следовавшая за ним свита. Лишь некоторых я не опознал, но и тех, кого узнал, было достаточно, чтобы понять: визит серьезный. Четверо денежных людей – из самых больших – и трое представителей другой профессии; эти на передний план не лезли, но я их углядел. Ну, что же: значит, есть смысл воспользоваться тем приглашением, что содержал в себе конверт побольше.

Так. Теперь можно и выключить. Позвонить Липсису? Ничего, Изя, не вспотеешь. Мы с тобой, конечно, старые приятели и давненько не виделись, хотя временами и находились неподалеку друг от друга, но это еще не повод, чтобы так, сразу, едва приехав, мчаться к тебе. Интересно, конечно, кой черт занес тебя от Стены Плача аж в Москву, но мое любопытство потерпит, да и ты обождешь еще. Сейчас время просмотреть газету: на новом для себя месте следует побыстрее зарядиться полезной информацией. Что такого случилось, пока я спал в своем купе? А, «Известия»?

Нет, ничего особо занимательного. Примерно то же, что и во всем мире. «Дом Романовых? Но какой подъезд?». «Ан-

глийский пример убедительно доказывает закономерность прихода к сочетанию монархии и социалистических идей, испанский – возможность успешной реставрации. Однако насколько европейский опыт приемлем для России?» Ну и так далее.

Ну, что европейский опыт неприемлем, в этом мы вроде бы должны были убедиться давным-давно; россиянин – не европеец, в нем слишком много татарина. Пользоваться же собственно русским методом – тоже не сулит ничего хорошего: его самая характерная черта – вдруг сворачивать с пути, на котором вот-вот уже должны возникнуть хорошие результаты, и бросаться черт знает куда, в очередной раз начинать все сначала. Почему? Да потому, что терпения не хватает. Хочется, чтобы все сделалось сразу. Желательно, само собой. Только произнести заклинание, всего и делов. Надо лишь в памяти найти его. Или, выражаясь более современно, – принять решение (постановление, указ, закон, как угодно). А надежда на заклинания, на джинна из кувшина – куда более восточное явление, чем европейское. Значит, нечего и заглядываться на Запад.

Не знаю, какие еще мысли пришли бы мне в голову, если бы в следующий миг газета не вспыхнула ярким и голубым, не обычным для бумаги пламенем. Сразу вся. К счастью, пальцы мои приучены к высоким температурам, так что удалось, шипя сквозь зубы и невнятно чертыхаясь, дотащить ее до ванной; иначе пришлось бы платить за безнадеж-

но испорченный ковер. Я пустил душ, с пальцами же проделал известные действия, предохраняющие от развития ожога. Событие это меня почему-то не удивило: видимо, подсознательно я ждал чего-то в этом духе – свидетельства о том, что мой проезд не прошел незамеченным. Предупреждения, вот чего я ждал – и дождался: для серьезного покушения это было слишком наивно. Даже смешно.

Однако вместо того, чтобы посмеяться над чьей-то детской демонстрацией, я неожиданно для самого себя зевнул; с возрастом отвык спать в поездах, ничего не поделаешь. Сейчас недурственно было бы отдохнуть. Но сперва следует позвонить. То-то удивится некто, услышав мой голос. Тут все, кому положено, наверное, давно решили, что меня и на свете нет – во всяком случае, в активной жизни. Однако же жив курилка, жив, жив, не умер...

Ухмыляясь при этой мысли, я набрал номер. И уперся в автоответчик. Прослушал вежливое предложение высказать все, что у меня на душе. Этим пренебрег. Шутки с ответчиком давно известны: цифровая схема работает, а хозяин сидит, покуривая, впитывает информацию, чтобы успеть как следует подготовиться к личной встрече, и думает при этом: дурак ты, дурак – в твой, разумеется, адрес. Так что я ограничился тем, что назвал номер и присовокупил, что старший-престарый дружок ожидает звонка поздним вечером.

Потом я долго сидел и чесал в затылке. Полагают, что это действие помогает работе мысли. Ее ясности. Ясности мне

сейчас не хватало. Потому что, с одной стороны, мне нельзя было, по всем правилам, делать того, что, с другой стороны, сделать очень хотелось. В конце концов я убедил себя в том, что я ведь хочу позвонить ей не потому, что мне так уж не терпится ее увидеть и серьезно поговорить на важную (как я полагал) для нас обоих тему; нет, никоим образом не потому. А лишь по той причине, что она должна была увидеться со мною на вокзале (конечно, ни в коем случае не вступая в контакт, просто – увидеть меня и сделать так, чтобы я увидел ее), там ей следовало передать мне кое-какую информацию при помощи давно разработанного кода движений, ничего не значащих для постороннего, но полных смысла для посвященного. Тогда я знал бы, в каком порядке совершать ближайшие действия. Электроника тут не годилась: все доступные нам частоты могли контролироваться чрезмерно любопытными и не очень дружелюбными людьми. Ольга не пришла, и мне совершенно необходимо было выяснить – почему: может быть, с ней беда, а возможно, что-то изменилось в обстановке. Да, я определенно должен позвонить и все выяснить. И никто не вправе будет упрекнуть меня: все иные источники информации откроются для меня только завтра – и то не сразу.

Разумеется, разговор должен быть предельно общим: не знаю, как с ее телефоном, но уж здешний-то, гостиничный, наверняка прослушивается. Ни слова о деле. Убедиться, что она в порядке, и назначить свидание, не называя, конечно

же, места встречи его общепринятым именем (улица, номер и прочее), но пользуясь лишь своего рода шифром – криптографией воспоминаний.

Наконец, решившись, я набрал номер. Долго слушал унылые гудки. Но никто так и не отозвался.

Оставалось только положить трубку, прилечь на диван и посетовать на еще одну неурядицу – из числа тех, которыми бывает наполнена жизнь моллюсков.

* * *

Наверное, тут надо помочь разобраться в терминологии. Ею пользуюсь только я один, и изобрел ее для собственного удовольствия и употребления. Моллюски – это те, кто оставил российские воды и перекантовался за границу. То есть в свое время поработал ногами. Моллюсков я разделяю на брюхоногих и головоногих, прочая конхиология меня не интересует. Брюхоногие – это те, чьи нижние конечности пришли в движение по приказу брюха. Улитки, которым подумалось, что в жизни надо плыть не против струи – хотя только так можно выйти на редан, – но в струе, и все дело в том, чтобы выбрать уютное тепленькое течение, где корм вкуснее, и стоит он дешевле (относительно заработка), и быт устоялся во всех отношениях по сравнению с вечной российской неразберихой. В отличие от них у головоногих команду ногам подавала голова, которую в России не смогли приставить

к делу, загрузить и, конечно, воздать соответственно. Голова – такой организм: если в ней что-то есть, она не успокоится, пока это «что-то» не пойдет в работу. Говорят, что дурная голова ногам покоя не дает; на деле она не дурная, она просто другая, и от брюха зависит не в первую очередь.

Головоногих я оправдываю, брюхоногих – нет, хотя сам вроде бы уехал именно по житейским причинам; во всяком случае, так принято думать, и я никого не собираюсь разубеждать. Но даже если не знать тех причин моего убытия, которые оглашению не подлежат, – некоторая головоногость в моих действиях двадцатилетней давности все-таки просматривается. Мне приятно так думать.

А вообще-то быть патриотом России куда легче, находясь за ее пределами, чем живя в ней. И если бы...

Но тут ударил в колокола телефон.

– Аллю!

– Тал, ты? Привет! Это Изя...

3

Я назначил ему встречу достаточно далеко; мы окопались в небольшом ресторанчике «Восток» – не в центре, но и не на окраине, в самый раз.

За черт знает сколько лет, что мы не виделись, Изя почти не изменился, разве что кудри чуть поредели и на его шее возникла пара морщин. Однако, учитывая возраст, выглядел он прекрасно. Теннис, наверное, диета, разные герба– и другие лайфы, прочее соответственно. Судя по его прикиду, он нашел меня не за тем, чтобы попросить сотню евро взаймы.

Я заказал винный кебаб и тамийю, он – мак-любе и иракские голубцы, на десерт оба взяли пахлаву и кофе. Отправив официанта, я начал наконец разговор.

– Откуда ты узнал, что я здесь? Точнее, что здесь именно я?

– Отвечать вопросом на вопрос – моя привилегия, – сказал Изя Липсис. – Ты же не еврей. Хотя в наше время – кто может знать?

– Никто не может. Итак – каким же образом?

– Очень просто. Приехал по делам. Позвонил Северину. Его не застал, но мне передали, что ты тоже разыскиваешь его. Зачем он тебе? Ты начал продавать компьютеры? Кто твой поставщик?

Северин, давний наш знакомый, возглавлял торговую

фирму; но мне он был нужен совсем по другому поводу.

– Я ничего не продаю. Кроме, может быть, родины, но это нелегко: большая конкуренция. Так откуда же ты узнал, кто такой Вебер?

Липсис поджал губы. Потом неожиданно ухмыльнулся:

– Не стану отвечать, поскольку ответ может быть использован против меня. Да ты и сам понимаешь.

Я, естественно, успел понять – и лишь кивнул.

– Ну а чем я могу заменить тебе Северина?

– Не заменить. Но помочь в том, что ему не под силу. Мы с ним уже созвонились. Он не может.

– Не может – чего?

– Объясню. Так, сразу – было бы против правил вежливости. Сперва поговорим о том о сем, как здоровье, как бизнес, как что, а уж потом...

Мы обождали, пока официант устанавливал еду на столе. Затем я поинтересовался:

– Ты уверен, что не ошибся адресом? Я здесь двадцать лет не был... Чем же я – по сути чужестранец – могу тебе способствовать?

– Ты не был, верно, – согласился он. – Но Салах Китоби приезжал не так уж давно. А вы с ним – старые приятели, не так ли?

– Встречались в свое время, – ответил я осторожно.

– Вот именно, – сказал он. – Встречались. А мне вот не пришлось. Но тем не менее у меня есть к нему рекоменда-

ции. И будь он здесь – помог бы мне. А раз его нет, я полагаю, не откажешь ты. Хотя бы во имя моего знакомства – с ним и с тобою.

– Интересно... – Я попытался проговорить это слово как можно более неопределенно. – А могу ли я полюбопытствовать, у кого ты получил эти рекомендации?

Он помолчал, разрезая румяный кусок мяса и накладывая на него капустный ломтик. Прожевал. И спросил медленно, словно размышляя:

– Фамилия Акимов тебе говорит что-нибудь?

Она говорила мне очень многое.

– Ну, допустим... я знаю человека, который так назовется.

– Генерала Акимова.

– Именно его я имел в виду, – подтвердил я. – Выходит, ты и с ним встречался? Ты знаком, похоже, со всем светом.

– Нет, – ответил он. – Не встречался. Но должен увидеться. А сейчас у меня найдется, конечно, рекомендация – если угодно, могу предьявить. Хотя сомневаюсь, чтобы тебе оказалось по силам ее прочесть: вряд ли она будет на русском. Прекрасное мясо. А у тебя как?

– Неплохо, – сказал я, прожевав очередной кусочек баранины. – Здесь пристойно готовят. Так ты говоришь – не смог бы прочесть? Она у тебя что – на иврите?

(Вообще-то это не составило бы для меня больших затруднений; однако у меня были ведь и другие способы проверить его полномочия. Так что я решил не нажимать чрезмерно.)

– Ничего. Я переведу.

– Зачем же? Поверю тебе на слово. И, если помочь тебе действительно в моих силах...

– Сможешь, ты сможешь.

– Что же тебе требуется?

– Приглашение на сегодняшней прием в известном тебе посольстве.

– Ничего себе! – воскликнул я. – Губа не дура. Может, тебе достать еще и пропуск на Программный съезд партии азороссов? А еще что?

– Пропуск не нужен, – сказал Изя, явно наслаждаясь ситуацией. – Поскольку он у меня есть. Запасся. И имею все основания в этом съезде участвовать. А вот относительно нынешнего приема вовремя не был информирован. И потому прошу твоего содействия.

– А не лучше было бы уладить все через ваше посольство?

– Если бы в запасе было еще две недели, я так и сделал бы. Но прием состоится сегодня. – Он отведал голубцы. – Черт, они холодные!

– Так и полагается.

– Мой промах... Надеюсь, на приеме не придется так опростоволоситься.

– Значит, ты обязательно должен там быть?

– Я обязательно должен там быть.

– Вижу, ты сильно полюбил мусульман.

– Фу! – Изя, казалось, чуть не подавился. – Сказать такое

о еврее!

– Тогда зачем? Что у Израиля общего с шейхом Абу Мансуром?

– Может быть, больше, чем ты думаешь. – Он прищурил глаз. – Жили же иудеи некогда в Хайбаре, что не так уж далеко от Медины, крестьянствовали вместе с арабами, что исповедовали закон Моисея, – пока халиф Умар не переселил нас в Сирию...

Станет он учить меня истории!

– Рассказывают, однако, что Пророк перед смертью предупредил, что ислам и иудаизм не могут одновременно существовать в Аравии.

Изя, однако, не смутился:

– А мы и не собираемся в Аравию. Только этого нам не хватало! Но дело вовсе не в наших межгосударственных отношениях. Мы ведь будем поддерживать именно того претендента, в котором заинтересованы они – и ты, по-моему, тоже.

– Пикантная ситуация, – усмехнулся я. – Еврейское государство поддерживает происламского кандидата на российский престол.

– Прости: о государстве я ни слова не сказал. Речь идет обо мне как о частном лице.

– Да, ты, конечно, лицо в высшей степени частное, – невольно улыбнулся я.

Изя уехал из страны в пору последнего Исхода – в самом начале кратковременного периода Третьей власти. После Первой – семейно-чиновничье-паханской, и после Второй – Скрытого Генералитета – наступила Третья; ее я в отличие от большинства журналистов называю не фашизмом, а левонацизмом – потому что это определение, я уверен, гораздо ближе к истине. Не стану сейчас вдаваться в детали, напомню лишь, что Третья власть, едва утвердившись (законным, кстати, путем, как и в свое время в Германии), начала реализовывать свою предвыборную программу, чего и следовало ожидать, с окончательного решения еврейского вопроса, поскольку это было единственным, что они вообще могли сделать. Решение экономических и коренных политических проблем было этой шушере просто не под силу: для этого нужен немалый интеллект, а он у наших нацистов всегда был в дефиците. РНСП, возникшая после слияния двух партий и одного движения на самой заре века, вела себя в какой-то степени даже цивилизованно: не строила крематориев и не стогняла евреев в лагеря, просто стала отбирать у них гражданство и предоставила возможность убраться на все четыре стороны, а точнее – три: в Америку, Израиль или Германию. Евреи не сопротивлялись; вопрос отъезда уже десятки лет дебатировался в каждой еврейской, полуеврейской

или на четверть еврейской семье, но пока решение зависело от них самих, российские евреи, которые давно уже были на самом деле более русскими, чем многие этнически безупречные славяне (потому что если уж евреи пускают где-то корни, то они пускают их глубоко), откладывали окончательный вывод на потом, искренне надеясь, что все утрясется и делать его вообще не понадобится. Когда же их поставили перед необходимостью, они даже вздохнули с облегчением, поскольку теперь ответственность за решение лежала не на них (а евреям свойственно ощущение ответственности перед потомством), и все, что оставалось им делать, – это уложить чемоданы. Разумеется, общины в самых разных странах пришли на помощь, невзирая на то что большинство российских евреев и понятия не имело о том, что такое тфилин и талит, не бывало в синагоге, не соблюдало субботы и крепко позабыло о кашруте; но давно минули времена, когда еврейство отождествлялось с иудаизмом, оно уже в XX веке перестало быть вопросом веры и стало показателем происхождения, поскольку эта проблема была простой и всем понятной. Короче говоря, свершилось. Исход произошел тремя волнами – просто потому, что разом выпроводить (да и принять) около десяти миллионов человек оказалось никому не под силу, а подлежащих депортации оказалось именно столько: первая волна – собственно евреи, вторая – половинки, из которых три четверти с русскими, украинскими и прочими неиудейскими именами, что евреям давно уже не

в новинку, как в свое время – присвоение немецких и польских фамилий. Третью волну составляли четвертушки, восьмушки и все те, кто готов был назваться чертом и дьяволом, лишь бы где-нибудь приютили. В результате тех, кто по закону мог признаваться евреем, была среди выехавших хорошо если треть; но на это всем было наплевать, хотя в результате из страны уехала вовсе не самая бесполезная часть ее населения.

Изя Липсис попал во вторую волну. Он был половиной по происхождению и морским офицером по профессии, успел дослужиться до каперанга и командовал достаточно крупным кораблем; говорят, кстати, что командовал неплохо. Мы с ним и познакомились на ТОФе, где я сам прослужил малое время. Уезжал он со скрежетом зубовным, однако выбирать не приходилось, потому что перед тем его все равно выгнали в отставку, хотя он мог еще служить и служить. Привязанность его к Российскому флоту была настолько большой, что в Израиле он и думать не стал о флотской службе, хотя пожелай он всерьез – и место нашлось бы: его там достаточно хорошо знали. Но он круто переложил руль и пошел прямым курсом в коммерцию; помогли люди, знавшие его по России, но успевшие уехать и обосноваться раньше. Тогда он и стал Изей Липсисом, потому что в России он именовался капитаном 1-го ранга Игорем Седовым, по отцу, и оставил это имя прошлой, флотской жизни, как бы умерев и родившись вторично совершенно другим уже человеком.

Возможно, в нем и на самом деле все изменилось, кроме разве что любви к России; и когда Третья власть благополучно опочила и весьма быстро промелькнула Четвертая – Интеллекратия, он стал бывать в России очень часто.

* * *

Такой была, во всяком случае, официальная версия. Его легенда. Но не одними легендами жив человек. И троице, которой я всегда доверял, состоявшей из уже названных Акимова и Салах-ад-Дина Китоби, третьим же был я сам, – троице этой было известно об Изе еще и другое, не менее интересное.

Во всяком случае, и сам визит его, и то, что он мне сказал, а еще больше – все, чего он не сказал, заинтересовало меня в немалой степени. Видимо, разговор не следовало прекращать – так, сразу. Потому что он мог оказаться именно тем человеком, которого мне следовало найти, ну, предположим, чтобы написать о нем очерк (если такое объяснение вас устраивает).

Впрочем, на вашем месте я бы в такой вариант не очень верил.

«Это – вам!», сказано в суре «Добыча», айте четырнадцатом.

5

– Ну а чем ты занимаешься в свободное время? Если не считать этого ленча. Стандартная программа – Bolshoy, Оружейная палата?

– На хрена они мне сдались? – сказал отставной каперанг, поднеся последний голубец к самому носу, словно обнюхивая. – Взять десять пудов мелкого маку...

Он хитрил, но как-то неубедительно, словно нарывался на дальнейшие расспросы. Я не заставил себя уговаривать.

– Все же: зачем тебе сдался этот прием в Кувейтском посольстве?

Он глянул на меня искоса снизу вверх – словно сомневался: стоит ли раскрывать мне государственные тайны; судя по его физиономии, только о них и могла сейчас пойти речь. Но корчить рожи он умел всегда.

– Да видишь ли, то, что творится сейчас тут, в России...

Он снова умолк – достаточно надолго.

– Ну кое-что, естественно, вижу. Даже из-за рубежа.

– Да, да... Это происходит, как ты наверняка догадываешься, не без соизволения великой державы.

Я не стал спрашивать – какой: великая держава все еще была одна, и находилась она не по эту сторону океана. Правда, в ее соизволение не очень-то верилось.

– Предполагалось, – продолжил он медленно, как бы тща-

тельно подбирая слова, словно говорил под протокол (впрочем, я не был уверен, что какая-нибудь запись не ведется: им, мною, еще кем-то третьим?), что Россия, значительно укрепив свое влияние в исламском мире, сможет если не сразу пресечь, то хотя бы взять под реальный контроль терроризм. То есть то, с чем великая держава, несмотря на все старания, справиться никак не в силах. Что это означало бы для мира – вряд ли нужно объяснять.

Я кивнул. И в самом деле – комментарии тут не требовались.

– Но в последнее время стали возникать сомнения, – проговорил Изя и на сей раз посмотрел мне в глаза прямо и жестко. – Возникло мнение, что контроль-то вы установите, но не с тем, чтобы пресечь, но лишь чтобы использовать в своих интересах.

– Россия – во главе мирового терроризма? – сказал я, выражая голосом наибольшее возможное сомнение. – После всего, что ей пришлось от него вытерпеть?

Я намеренно произнес «ей», чтобы подчеркнуть, что я тут – лицо не заинтересованное, и могу беспристрастно судить со стороны. Я знал, что он в это не поверит, но тем не менее нужно было сказать именно так.

– Мне тоже не очень верится, – сказал он. – Однако многим из нас, выходцев отсюда, в Штатах не очень-то доверяют. Русская мафия, и все такое. Так что ветер переменялся, и там будут стараться по мере возможности задробить раз-

витие предстоящих тут событий.

– То есть референдума и избрания? Но не всякого избрания, а лишь одного определенного претендента, если не ошибаюсь?

– Ну, тебе не нужно объяснять.

– Ладно, а при чем тут твое участие в приеме?

– Я должен переговорить с шейхом Абу Мансуром. Это в наших общих интересах, но шейх пока об этом не знает.

– Не вижу, как ваша беседа сможет изменить развитие событий. Ты хочешь сказать, что твое правительство собирается выступить против великой державы? Своего лучшего союзника? Не убедительно как-то.

– Ну ты всегда любил слишком сильные выражения. Но мы намерены блюсти свои интересы.

– И не против заручиться поддержкой и у нас. Я правильно интерпретирую?

– По-моему, желание совершенно естественное.

– Потому-то вы и участвуете в работе партии Азороссов?

– «Мы» не участвуем: партия не может пользоваться активной помощью из-за границы. Но отдельные лица... я бы сказал, следим весьма сочувственно. Не забудь: многие из нас восстановили гражданство, отмененное нацистами.

Он говорил, а я слушал и верил ему ровно на одну треть. На треть – в том смысле, что он показывал мне именно такую часть того, что было у него на уме, две же трети тщательно скрывал; однако у меня были кое-какие догадки по поводу

того, что именно он утаивает.

– А ты не боишься, что ваше открытое сочувствие скорее повредит делу, чем способствует избранию претендента?

– Наше сочувствие не афишируется. никоим образом. Но, кроме прочего, я и об этом должен переговорить с шейхом.

– Так, так, – проговорил я задумчиво, мысленно расставляя на доске возникшую позицию и пытаюсь наскоро просчитать варианты. – Конечно, если учесть, что с шейхом прибыли финансисты, которые могут оказаться весьма заинтересованными в деятельности нескольких банков, не столь давно возникших в твоей стране... Тех, что занимаются перекачкой нефтяных денег в Россию. Просто удивительно, как это вы перехватили такую кормушку, вот что заслуживает восхищения.

– Об этом мне ничего не известно, – прервал он меня чуть быстрее, чем следовало бы. Но и эта поспешность могла оказаться игрой – и не самой бездарной.

– Разве я сказал, что тебе что-то ведомо? Нет, ни слова.

– Надеюсь, ты не откажешься от своего обещания? – спросил он с подозрением.

– По-моему, пока я еще никому ничего не обещал, – осадил его я.

– Так пообещай, что тебе мешает?

Пока он высказывал эту глубокую мысль, я уже успел решить.

– Изя, мальчик, – сказал я ласково. – Или ты сейчас же

начнешь говорить по делу, или – клянусь истинностью Книги – мы с тобой прервем отношения навсегда. Ты имеешь понятие, сколько стоит минута моего времени в Москве?

Он глубоко вздохнул. И наконец отважился.

– Ну мне не хотелось бы говорить...

– Что тебе хочется, чего не хочется – твое личное дело.

Но если ты реально представляешь, о чем просишь...

Он снова вздохнул – словно его принудили отдать последнюю.

– Ну, ладно... Но – строго конфиденциально, сам понимаешь.

– Мог бы и не говорить.

– Ты слышал о проекте «Иудея»?

Я каким-то образом оказался в курсе. Речь шла о практически бессрочной аренде некоторых ближневосточных территорий; в основном речь шла о сирийских землях – потому что даже ближайшим ее соседям и союзникам становилось уже не под силу справиться с сирийским реваншизмом, который очень не нравился остальному миру, потому что был чреват войной. Поэтому уже некоторое время назад пошли кулуарные разговоры о том, что великая держава намерена повторить в Сирии свой иракский вариант, поскольку Сирия и заняла политическую нишу, в начале века не по доброй воле оставленную тогдашней багдадской головкой. Но арабский, и шире исламский мир не хотел нового вмешательства из-за океана, поскольку квоту допустимого Штаты уже ис-

черпали. И возникло мнение – уменьшить пыл реваншистов своими силами, для чего изъять из-под сирийской юрисдикции часть ее территории; на этих-то землях заинтересованные люди собирались создать второе историческое государство – Иудею, которое вместе с Израилем составило бы федерацию. После долгих и трудных усилий «тихой дипломатии» в принципе удалось договориться; однако вопрос о стоимости аренды все еще не нашел разрешения. Шейх был одним из людей, чье слово в этих переговорах могло иметь значительный вес. Что ж, не исключено, что Изе было нужно от арабского вельможи именно это, а не то, что меня занимало куда больше. Он явно наталкивал меня на эту версию и, следовательно, старался отдалить от другой, намного более важной. Ну, пусть будет так: сделаем, что называется, поклевку.

– Хочешь с ним поторговаться?

Изя склонил голову набок и поднял плечи.

– Коммерция есть коммерция – даже и в политике.

– У тебя есть, чем его заинтересовать? Шейх – человек восточный, не любит зряшных разговоров.

Изя ухмыльнулся:

– С пустыми руками в гости не ходим.

– Хорошо, – пообещал я. – Попробую. За результат не ручаюсь.

– И еще бью челом...

– Appetit приходит во время еды?

– Отнюдь. Это тоже домашняя заготовка. Вопрос арен-

ды, как тебе ясно, имеет много аспектов. Одно дело – решение на верхах, другое – отношение населения, духовенства, главным образом низшего. Мнение России сыграет большую роль. С кем надо увидеться, чтобы обговорить этот вопрос, и как с ним увидеться? Ты понимаешь: речь идет не о фигурах над ширмой, а о тех, кто скрыт за нею. Вот такая встреча мне нужна. Россия при этом только выиграет. Естественно, и ты обижен не будешь.

Это я и так знал. Даром работают только любители, а я к ним не относился. Я, конечно, понимал, что он не собирается предложить мне деньги: игра велась по правилу «Услуга за услугу». А услуги мне могли понадобиться – в том числе и с его стороны, вернее – со стороны тех, кого он сейчас представлял. На самом деле, а не по легенде, которую он пытался развесить на моих ушах красивыми фестонами. Если, разумеется, услуги не понадобятся мне именно против него самого.

– Это будет, пожалуй, потруднее, чем с шейхом. Хотя если бы ты действительно увиделся с Акимовым, он наверняка смог бы дать тебе дельный совет.

– Прекрасно. Вот и устрой мне встречу с ним.

– Ну... – Я поставил на стол чашку с остатками кофе и поднял брови так высоко, как только мог. – Что я, фокусник, по-твоему?

– Я понимаю. Но у тебя, как правило, все получается...

Я медленно допил кофе. Потом, вздохнув, проговорил:

– Будем надеяться. Где тебя найти?

Он вытащил из кармана несколько визитных карточек, выбрал одну и протянул мне. Я прочитал, усмехнулся и спрятал ее. Судя по ней, он тоже, как и Северин, занимался продажей всяких процессоров и всего такого прочего. Ну, пусть так.

– Надеюсь, что тебя действительно можно будет там обнаружить.

– Буду ждать звонка, – сказал он. – А здесь неплохо готовят. Спасибо, что навел на хорошее местечко.

– Поесть на Руси всегда любили, – сказал я. – Ну что же, дрогнули и пошли?

И в самом деле, времени у меня почти не оставалось. Я подозвал обера. Изя запротестовал: он хотел заплатить сам, я не стал ему препятствовать: пусть совершенствуется в современном российском быте. Пока он отсчитывал деньги, я сказал так, чтобы он понял: его слова я принял всерьез.

– Ладно, положусь на твое обещание.

Он только кивнул.

Мы помолчали.

– Хорошо, – сказал я наконец. – Подъезжай к посольству – устройю так, что ты пройдешь. А к тому времени, может быть, сумею разузнать и относительно второй встречи. Так что не придется тебе прислушиваться к телефону в кармане.

– Спасибо.

– Теперь мне пора. А ты чем займешься?

Он пожал плечами.

– Побездельничаю, пошляюсь по Москве. Ну, еще, может быть, попытаюсь найти и других старых дружков. Вот как тебя нашел.

– И кого еще собираешься?

– Северин, как ты знаешь, в стеснении. Кого еще? Хотел Ольгу найти; Ольгу-то помнишь?

Я уже начал было подниматься, но при этих словах раздумал.

– Нашел?

Он кивнул:

– Только что от нее.

– Ну что она, на твой взгляд?

Липсис глянул на меня одним глазом, как птица.

– Приказано с тобой на эту тему не беседовать.

– Ты что, сказал ей, что собираешься ко мне?

Он привычно развел руками:

– Случайно выскочило. Да и потом... это же не совсекретная информация, надеюсь? Прости, но у меня такое впечатление, что она не очень-то хочет тебя видеть.

Такого поворота я не ожидал. И почувствовал, как наливаюсь адреналином по самую горловину.

– Вот еще новости! Отчего?..

– Не знаю, не знаю. Так показалось – вот и все.

– Слушай, – сказал я, – а дочку ее ты там видал? Ей сейчас – да, лет двадцать пять, пожалуй. С ней не разговаривал?

Он пожал плечами.

– А зачем? С дочкой у меня общих воспоминаний нет.

– Да, – сказал я после паузы. – В этом ты прав, конечно.

А как старик? Все по-старому топорщится?

Изя негромко присвистнул:

– Эка! Старик – на Востряковском уже сколько времени.

Номера не помню, но визуально могу найти. Если хочешь, конечно.

Я только помотал головой.

– И верно, – согласился он. – К чему? Архив его, как ты понимаешь, в гроб с ним не положили, теперь вот Ольга никак не придумает, что ей с этими бумагами делать.

Я пожал плечами. Разговаривать на эту тему мне не хотелось.

– Ладно, мне пора. Твои координаты ты мне дал, мои тебе известны. Так что не забывай.

– О'кей, – согласился он.

– Так здесь сейчас не модно, – предостерег я его. – Россия сейчас к Западу повернулась тем местом, что пониже спины.

– Что же говорят взамен?

– Иншалла, – ответил я весело.

Хотя мне было не до веселья. По чисто личным причинам, неожиданно выплывшим на первый план так некстати. Ольга, значит, со мною общаться не желает. Узнаю ее милый характер, взбрыки и курбеты. А ведь именно для того, чтобы

она не ускользнула от встречи, я попросил москвичей нагрузить ее поручением, о котором уже упоминал; само по себе пустяковое, оно должно было показаться ей значительным и романтическим – целиком в ее стиле. Однако все ухищрения пропали зря. Канули в бескрайнюю пустоту. А я-то надеялся перехитрить судьбу.

Впрочем, сказано в Книге, суре четырнадцатой, называемой «Ибрахим»: «Господи наш! Ты знаешь, что мы скрываем и что обнаруживаем. Не скроется от Аллаха ничто на земле и в небесах».

Вот и я так думаю.

По пути в гостиницу я чувствовал, что свирепею все более и более. И причиной тому были, конечно же, Ольгины финты.

Шагая, я не нашел ничего более уместного, как предаться воспоминаниям из области личной истории, которая чаще всего совершенно не совпадает с историей страны, да и всего мира тоже.

В свое время – от двадцати с лишним до тридцати лет тому назад – вся наша компания прекрасно знала, что я к Ольге, как тогда говорили, весьма неровно дышал, и ни от кого не скрывал этого просто потому, что не в силах был бы утаить, даже будь у меня такое желание или надобность. Их не было – в тогдашнем счастливом возрасте ни у кого из нас не возникла еще необходимость что-то скрывать, умалчивать, вести свою игру. Я был влюблен и был настойчив – чтобы не сказать упрям, – и в конце концов получилось вроде бы по моему, но только вроде бы. Потому что когда нас уже собирались поздравлять, Ольга и в самом деле вышла замуж, но только не за меня. Теперь-то я уверен, что поступила она совершенно правильно, уже тогда поняв меня гораздо глубже, чем был в состоянии я сам; она вышла за моего постоянного соперника Костю Мухина, и это было еще одной причиной моего отъезда на Запад, хотя, разумеется, не главной и не

единственной, а именно еще одной. Через год (информация к эмигрантам поступает исчерпывающая и без задержек, так что я узнавал обо всех событиях почти одновременно с их совершением) они разошлись, но за это время Ольга успела родить дочку. Общественное мнение полагало, что отцом ребенка был законный Толик. Однако у меня имелись кое-какие основания полагать, что девочка была плотью от плоти моей. После их развода я ожидал хоть какого-то сигнала с ее стороны; она же, как я понял слишком поздно, ждала того же от меня: гордости у каждого из нас было куда больше, чем здравого смысла. Когда я наконец спохватился, поезд успел уйти далеко: я понял, что у меня, собственно, осталась только память, а других чувств больше не было. Наверное, и там происходило то же. Поэтому единственным, что я тогда сделал, было – сообщить Ольге о моем желании участвовать в судьбе ребенка. Я дважды передавал это через людей и не получал ответа. На третий раз узнал ее телефон (Ольга почему-то часто меняла жилье, и все по нисходящей, и из гордой родительской квартиры на Кутузовском в конечном итоге финишировала, по слухам, где-то совсем уже на окраине; я слишком поздно сообразил, что у нее просто не хватало денег на жизнь – прошли времена, когда жилье в России ничего не стоило даже по сравнению с тогдашними заработками. Окраина, однако, оказалась с телефоном), перед самым выездом в Москву, успев уже договориться со здешним человеком, я собрался с духом и позвонил сам. Весьма холодным

тоном мне было сказано, что к Наталье (так звали девочку) я никакого отношения не имею, так что просят не беспокоиться. Я не поверил, но доказать ничего не мог, к тому же у меня закрутились разные дела и совершенно не осталось свободного времени, чтобы заниматься уточнением своей биографии. Таким вот образом все и закончилось – как будто. А встреча на вокзале должна была состояться вроде бы уже не по моей инициативе. Я знал, что если ей предложат оказать услугу известной службе, в которой весь свой век пахал ее отец, то она вряд ли откажется: старик на нее крепенько нажал бы, он был патриотом своего дела. Оказалось, что он нажать уже не мог, но она согласилась: возможно, из уважения к его памяти. Но не пришла.

Однако сейчас, оказавшись здесь и зная ее координаты, я все же всерьез вознамерился – это было у меня накрепко связано в планы – поговорить с Ольгой начистоту и докопаться до истины, как бы упрямица ни выкручивалась. Никогда не могу отнести себя к чадолюбивым родителям – скорее наоборот, – и если бы ребенок был парнем, я и не стал бы особенно волноваться: мужик должен пробиваться в жизни сам, я всегда так считал и сейчас тоже; он не имеет права быть у кого-то в долгу. Но с женщинами дело другое, не люблю деловых и энергичных дам – они, по моему убеждению, предадут идею женственности, что может привести к вымиранию человека как биологического вида, разве что прибегнут к искусственному осеменению. Мир женщины, особенно

молодой, наполнен опасностями куда больше, чем мир мужчины – ее сверстника, и потому женщина нуждается в помощи, и нечего тут коловращать задницей, изображая независимость. Именно это я и намеревался сказать Ольге и употребить для Натальино блага некоторую сумму из тех денег, с которыми мне предстояло здесь и сейчас свести тесное знакомство.

Такие вот были у меня планы. Однако не зря сказано в суре шестьдесят седьмой, «Власть»: «Знание у Аллаха». И поговорить с Ольгой мне пока что не удалось.

Но это вовсе не означало, что даже в случае если Ольга по какой-то своей прихоти заблокируется наглухо, мне нельзя будет встретиться с Натальей и предложить ей напрямую то, что собирался передать через посредника. Быть может, так даже лучше. Найти ее вряд ли потребует большого труда: все-таки определенный порядок существует и в Москве, хотя в основе великого города изначально лежит хаос.

Так или иначе – еще не пришла пора вешать ружье на стену. Еще не заржавело столь мощное оружие современности, как телефон.

На этот раз мне ответили, притом так быстро, что можно было подумать – моего звонка ждали. Ждала Ольга, поскольку именно ее голос (со скидкой на качество телефонной линии и аппарата) прозвучал в трубке.

Услышав ее вечное протяжное, с придыханием «Ал-

ло-у?», я ощутил, как заколотилось сердце, но у меня было заранее решено, что разговаривать буду предельно спокойно и доброжелательно. Насколько это вообще для меня возможно. Поздоровался крайне вежливо, хотя не скажу, что очень нежно. И тут же слегка упрекнул:

– Ты что, больше не ходишь на свидания? Я ждал, ждал...

Кажется, она ожидала каких-то других слов. Во всяком случае, немножко запнулась, прежде чем ответить:

– Разве тебя не предупредили?

– Вот новости. Кто и о чем должен был предупредить?

– Ну... те, кто просил меня прийти на вокзал.

– М-м... А что?

– Да собственно, ничего. Просто они позвонили и сказали, что надобность в моем участии отпала.

Я получил новый повод для размышлений. Но сейчас было не до них.

– Понятно, – сказал я, чтобы не прерывать разговора. – Тебе позвонили, и потому ты не пришла.

Ольга как-то нерешительно кашлянула.

– Нет. Я все-таки пришла. И хотела даже подойти к тебе.

Я рассердился.

– Какого же черта... Прости. Почему же ты не подошла?

– Потому что... Там был человек, которого мне очень не хотелось видеть – и еще меньше хотелось, чтобы он увидел меня. Вот я и прошла мимо.

– Что за... Прошла – и я тебя не заметил?

После паузы последовало:

– Я не старалась, чтобы ты меня заметил – по той же причине.

Я решил, что об этом достаточно.

– Ну, хорошо. Липсис передал мне, что ты не хочешь меня видеть. Почему?

– Неправда. Я этого не говорила. Сказала только, что не хочу, чтобы он разговаривал с тобой обо мне. Может быть, он не совсем правильно понял.

– А почему это о тебе и поговорить нельзя? Неужели же мы...

– Не желаю, – ответила она резко. – Но встретиться с тобой я хочу. Не потому, что меня просили, и не потому, что... Но мне нужно с тобой поговорить. По делу.

– Я слушаю.

– Не телефонное. Но в общем... Понимаешь, от папы осталось... Ты знаешь, что папа умер?

– Узнал только сегодня. Прими мои соболезнования. Я очень уважал его.

– Так вот, от него осталась масса бумаг. Возможно, они представляют интерес. Мне одной трудно разобраться. И вот я хотела бы, чтобы ты помог – если найдешь время, конечно.

– Да уж постараюсь. Скажи, а этими бумагами никто не интересовался?

– Ну, как же. Очень интересовались. Хотели забрать.

– И?

– Не нашли. Видишь ли, они...

– Только не говори сейчас – где. Давай встретимся на нейтральной почве, и ты скажешь мне, как я могу на них выйти.

– Без меня не найдешь. Назначай свидание. На сей раз обещаю прийти.

– Очень хорошо. Ты помнишь, где я тебе когда-то подарил паркеровскую ручку? Тонкую, черную...

Ольга ответила не сразу:

– Еще как. – Она тихо засмеялась. – Это было очень трогательно. Мне дарили вещи куда дороже, но все то было специально куплено для подарка, а ты просто вынул из кармана свою – помню, как ты ее любил.

Ну, вот. Сейчас мы оба растечемся соплями.

– Значит, помнишь. Так вот. – Я прикинул. – Сегодня я при всем желании не смогу. Завтра. То самое место.

– Ты хочешь, чтобы я пришла в...

– Стоп! Никаких названий. Именно там. Время, – я чуть подумал, – от двенадцати дня до половины первого. Устраивает?

– Вообще-то мне надо бы возразить – хотя бы из принципа. Но я согласна.

– И ради Бога: с собой – ничего. Ни листочка. Приходи налегке.

– Тоже согласна. Видишь, какой я стала сговорчивой?

– Это меня только радует. Но все же, почему мы не могли помыть тебе косточки?

– Почему я запретила Игорю? То есть Изе: вечно я забываю. Да потому что... Хотя нет. Скажу завтра. А может быть, и говорить не понадобится.

Я с радостью пообщался бы с ней еще. Но случайно, или скорее инстинктивно глянув на «Картье», понял, что если не хочу опоздать на прием, то разговор надо заканчивать.

– Прости, мое время вышло. А поговорить надо еще об очень многом. Но придется и это тоже отложить на завтра. Еще раз – прости.

– Ладно уж, прощаю.

– Не опаздывай завтра.

– Ничего, подождешь. Тебе всегда было полезно ждать.

– Будь по-твоему. Подожду.

Но это был еще не последний звонок. Предстояло, не откладывая, сделать еще один – на сей раз исключительно по деловым соображениям. Мне очень не нравился такой способ связи, но на иное не оставалось времени. Я набрал номер. Мне ответили после четвертого гудка:

– Реан.

– Назовитесь полностью, – потребовал я. – Плохо вас слышу.

– Реанимационный Центр «Здоровье». Реф-ферент главного врача.

Слово так и произнесли: то ли с запинкой, то ли с удвоенным Ф.

– Это доктор Ффауст.

Я тоже выговорил, сильно нажимая на тот же звук.

– Узнали вас по голосу, – ответили мне.

– Хотел бы знать: есть ли для меня новости?

– Важные.

Черт! Важных новостей я, откровенно говоря, не ожидал.

– Можете изложить суть?

– Только вкратце. В программу вашего визита внесены существенные изменения. Помимо прежних договоренностей, необходимы серьезные консультации в области рентгеноскопии и торакальной хирургии.

– Так... Кому требуется помощь?

– Номеру первому.

Ничего себе уха! Да, новости – не сахар.

– Можно ознакомиться с историей болезни?

– Очень коротко. Диагноз вам должен быть понятен. Очаги воспаления пока не локализованы. Нужно серьезное обследование.

– Множественные очаги?

– Предположительно – не более трех. Традиционно.

– Понял вас. Как себя чувствует заболевший?

– Температура удовлетворительная, но на улицу в ближайшие дни не выйдет. Нужно разрешение врача.

– Я бы с удовольствием осмотрел его, но сегодня у меня очень много визитов. Боюсь, что завтра тоже не смогу: раз нужен рентген, буду готовить условия.

– Мы передадим. Может быть, направить к вам фельдшера?

– Благодарю, пока не нужно, надеюсь справиться сам. Но желательно было бы получить новый фонендоскоп: у моего помялась мембрана.

– Пришлем незамедлительно. Шприцы не нужны?

– Сегодня обойдусь.

– В случае надобности – сообщите.

– Просьба. Мне нужна полная история болезни наблюдаемого Седова, он же Липсис.

– Нет проблем. Готовы записывать?

– Конечно. После этого не кладите трубку.

Мне тут же продиктовали шифр, так что я смог, произведя с ним все необходимые преобразования по известной мне формуле, сразу же, с компьютера, давно уже ставшего непременной принадлежностью каждого гостиничного номера (начиная с трех звездочек), получить необходимую информацию. Даже при поверхностном проникновении в нее можно удивиться, почему Липсис не был приглашен на прием заблаговременно – учитывая несколько специфический характер этого протокольного мероприятия. Я тут же поспешил исправить ошибку, продолжив разговор с референтом.

– Этого больного вечером же направьте на прием к профессору Алиеву.

– Профессор примет?

– Если регистратура оформит.

– Выполним. Вы там будете?

– Непременно.

– Там получите выписку из истории болезни Первого. Для консультации.

– Хорошо. У меня все.

– Рады были слышать вас.

В этом я не усомнился бы даже без его заверения.

Хотя вообще медики не очень любят журналистов.

Так, подумал я, закончив разговор. Три очага того, что в Реане называется воспалением. Первый – понятно: команда ныне действующего Президента. От этих сверхъестественной активности ждать не приходится: ему же все равно не светит, и если не он сам, то люди его понимают: для него куда выигрышнее было бы оставить свой трон государю всея Руси, чем судорожно цепляться за остатки власти, совершенно зря напрягая службы. Совсем другими цветами заиграло бы его имя в Истории, а за этой дамой все ухаживают, хотя каждому известны ее лживость и предательский нрав. Нет, это – слабый источник. С другой стороны, с официальными службами могли уже подружиться люди Претендента Алексея, обещая в случае его победы все сохранить, а кое-что и улучшить. Так что этот источник в качестве противника сбрасывать со счетов нельзя.

Второй возможный источник, – думал я дальше, – это друзья. Не те, разумеется, с кем наш Претендент бегал в один

садик, сидел за соседней партией или, скажем, тянул армейскую лямку. Такие дружки никогда не остаются на дистанции прямого выстрела, они пишут письма, изредка звонят по телефону, приглашают в гости – заранее зная, что встреча не состоится. Речь идет о тех, кто сейчас стоит рядом, подпирает Претендента в его продвижении вперед и выше. Опыт подсказывает, что у кого-то из таких друзей прежде всего заводится в голову мысль: «Он, а почему не я?» И именно этих людей прежде всего стараются расшатать, вырвать, как ненадежный зуб из челюсти – чтобы потом, соответственно его обработав, имплантировать на место, так что с виду он покажется совсем здоровым, но когда придет пора укунить – тут и выяснится, что кусает он под другим углом.

Кто эти люди? Вероятно, их нужно искать прежде всего среди тех, кто официально и публично поддерживает Претендента, то есть в руководстве партии азороссов, чей Программный съезд начнется не сегодня-завтра, чтобы торжественно объявить Претендентом этого самого человека. Завербовать стараются именно таких, чтобы что-то не было сделано (или, наоборот, было совершено) в самое последнее мгновение, когда ничего уже нельзя переиграть и исправить. Значит, поиски второго очага – среди азороссовской верхушки.

Что касается третьего, то его, как всегда, следует искать по ту сторону рубежа, то есть опять же – среди сторонников Претендента-одина, то есть Великого князя Алексея. Сам он

лишь готовится к очередному приезду в Россию, последний раз посещал родину предков и предпринял путешествие по стране три месяца тому назад, а впервые – два с лишним года тому; по той причине и Салах-ад-Дину Китоби пришлось поехать по прохладной, с его точки зрения, стране.

М-да, вон какой букет проблем сразу возникает: кто, где, когда. И каким способом. Не вызывает сомнений только желаемый результат: совершенно устранить претендента с зеленой повязкой на лбу, потому что это сразу же приведет к разочарованию владык Исламского мира в большой игре – и ко всему, с этим связанному. Жаль только, что все дураки, стремящиеся подставить ножку Претенденту, надеются на чудо: Ислама не будет, а деньги его останутся, равно как и все проистекающие из их наличия блага. Не останутся, в том-то и дело.

Ибо сказано в суре «Пчелы», айяте пятьдесят пятом: «И какая есть у вас милость, то – от Аллаха. Потом, когда вас коснется нужда, вы к Нему вопите».

Но потом окажется скорее всего поздно.

А я-то думал, что буду тихо сидеть, читать, писать то-се, редактировать... Встречаться с умными людьми и вести неторопливые беседы с ними в ожидании больших событий.

Но – «И на Аллаха пусть полагаются полагающиеся!».

Глава вторая

1

На этом все мои резервы времени иссякли. Не оставалось ничего иного, как переодеться в неглаженое; впрочем, смокинг, даже извлеченный из чемодана, выглядел совсем не плохо, и это меня несколько успокоило.

Переодеваясь, я размышлял на тему: кто смог уже – за считанные часы пребывания в Москве – поставить на мне свою отметину? Человек на вокзале; Липсис-Седов; таксист; гостиничный люд; а сколько таких, кого я не успел заметить? Хотя это и маловероятно, однако все же... Значит ли это, что сезон охоты на меня уже открыт? Вроде бы никаких поводов для этого не было. Но чего не случается в этом мире, да еще в его минуты роковые?

Однако дела надо делать; переживания и гипотезы пусть остаются на ужин. Целую кучу не ожидавшихся мною дел придется перелопатить.

Я не успел еще арендовать машину, и, чтобы прибыть в посольство вовремя, то есть до появления главных лиц, пришлось, как говорят киношники, гнаться за уходящей натурой. Натурой в данном случае послужило такси. Однако гнаться – еще не значит догнать; к счастью, Неопалимовские

переулки, куда мне и следовало попасть, находились неподалеку, в четверти часа хорошего хода. Так что, не совсем отвыкнув от Москвы, я предпочел этот примитивный и надежный, как все примитивное, вариант.

Я небольшой любитель бывать на официальных торжествах, может быть, потому, что сам я – персона сугубо неофициальная; однако нередко это бывает связано с работой – и тогда выбирать не приходится. Конечно, посол, я думаю, не принял бы близко к сердцу, если бы я не появился; он вообще вряд ли имел представление о моем существовании. На подобных приемах всегда бывает полно всякого народу – в основном это гости атташе по культурным связям, хотя и не только его, – о котором посол никогда не слыхивал и не услышит впоследствии; вот и я относился к этому «всякому народу» – или, точнее выражаясь, сброду; меня можно называть и так, это меня только радует, а почему – о том пунктов на сей раз не последует. Однако, помимо посла, там были и другие люди, которым встреча со мной казалась достаточно важной.

Кувейтское посольство помещалось там же, где и в мои годы, – в Третьем Неопалимовском переулке, неожиданно тихом, несмотря на близость вечно гудящего своими нынешними тремя ярусами Кольца; правда, за минувшие годы учреждение расширилось, хотя по сравнению с другими исламскими представительствами – весьма умеренно. Однако сейчас у меня не было времени разглядывать что к чему; пере-

до мной почтительно отворили дверь, и я, стремительно вы-
растая в собственных глазах, проследовал внутрь. Экс-капе-
ранг Седов-Липсис вдруг возник рядом, материализовался
из ничего; я кивнул, и он пристроился мне в кильватер. Мне
пришлось сказать пару слов, чтобы претензии к нему исчез-
ли; медики из Реанимации своевременно подсустились. Ед-
ва успев войти, Липсис растворился в воздухе – или в иной
среде, может быть; во всяком случае, исчез из виду. Но даль-
нейшее относилось уже к его собственным проблемам, а у
меня хватало и своих.

2

Здесь все было, как и полагается на приемах: играл оркестр, разносили дринки, среди которых не было, правда, виноградных напитков, не одобрявшихся Пророком; хозяйева дома любезно встречали прибывающих, гости болтали, разбившись на группы, дамы делали мгновенные и безмолвные оценки друг друга – ну и так далее.

Поздоровавшись и произнеся все необходимые слова, я стал протискиваться поближе к лестнице, что вела в бельэтаж, и попутно ловил обрывки разговоров то в одной, то в другой кучке собравшихся. Кто-то слегка толкнул меня. Я оглянулся, нахмурившись, то был официант, явно не из польского персонала: гладкое, белое, словно напудренное лицо без признаков игры ума. Прием, как я понимал, обслуживал какой-то из московских ресторанов высшего класса. Парень смущенно извинился; я кивнул и продолжил путь, размышляя о том, что неожиданно много самого разного народу собралось на незначительной, казалось бы, дипломатической тусовке.

– ...Но, mein Herr, не забудьте: мировой антиамериканизм сформировался еще в последней четверти прошлого века, а в начале нашего уже невозможно стало делать вид, что его не существует. И, конечно же, Штаты чувствовали, что их влияние слабеет, а основного оппонента – исламского ми-

ра – усиливается. И вот тут-то Россия внезапно становится ключевой фигурой в этой игре. Что же удивительного в том, что сверхдержава уделяет такое внимание свершающимся в России политическим событиям, а еще большее – тем, что только еще готовятся.

– Однако вы, *consiglieri*,² должны понимать, что ислам сам по себе не может всерьез противостоять Америке. Во всяком случае, до сих пор во всех случаях, когда дело доходило до вооруженного столкновения, победа оказывалась на стороне Штатов, преимущество их было и остается максимальным, не так ли?

– С этим никто не станет спорить. И силы ислама являются первыми, кто это прекрасно понимает. Потому они и ищут союза с Россией: вместе они уже в скором времени, исторически скором, образуют превосходящую силу. Со своей стороны, нетрудно увидеть, что в таком развитии событий заинтересована и сама Россия. И поэтому-то ключевым вопросом и является: кто возглавит это государство, сохранится ли в нем существующая система или изменится, и если произойдут изменения – кто именно окажется на самом верху: тот, кого поддерживает Запад, или его конкурент.

– Если это так, то вряд ли заинтересованные стороны ограничиваются лишь ролью наблюдателей, вы согласны?

– О, вне всякого сомнения, здесь сейчас работают очень активно, хотя и стараются, чтобы внешне это никак не про-

² советник (*ит.*).

являлось.

– Думаю, восточному кандидату все же не устоять. Западные разведки...

– Не скажите, не скажите. Восточная хитрость временами бывает...

Я миновал этих мыслителей; похоже, сегодня сюда набралось политологов больше, чем кого угодно другого. В другое время я не упустил бы возможности посостязаться с ними в искусстве словоблудия; но сейчас у меня были дела и поважнее. Терминология меня не смущала: я прекрасно знал, что деценний – *decennium* по-латыни – означает на русском просто десятилетие, но ни в коем случае не производится от слова *decens* – пристойный, что, как совершенно ясно, к России никакого отношения не имеет. Термин этот вошел в обращение, кстати сказать, с легкой руки господина Вебера, журналиста, в настоящий момент здесь присутствующего и пытающегося с немалыми усилиями добраться до нужной точки посольского пространства.

Я перестал прислушиваться. Официант – видимо, у него здесь был четко обозначенный маршрут – вновь проскользнул мимо, и я невольно удивился тому, как легко он двигался в толпе: словно находился в совершенной пустоте. Однако на сей раз я успел поднять руку, вооружился бокалом и остановился наконец на относительно свободном местечке. Я не искал никаких встреч: знал, что тот, кому я нужен, сам

найдет меня.

Так и получилось. Оказалось, что на сей раз мое общество потребовалось человеку из посольства Ирана; это меня не очень удивило, поскольку знакомы мы были с достаточно давних пор. Он подошел, приятно улыбаясь, изображая, как это принято в его краях, бескрайнюю радость.

– Джаноби Вит Али, ассалому алейкум! Хуш омадед!

(Хорошо, что хоть он не назвал меня Салах-ад-Дином!)

– Ва алейкум салом, дусти азиз!

– Саломатиатон чи тавр?

(Ну конечно: вежливость требует прежде всего поинтересоваться моим здоровьем.)

– Хамааш нагз, ташшакур. Азони худатон чи? Ахволи хонуматон хубаст?

Он, улыбаясь, обрадовал меня вестью, что и у него, и у жены его со здоровьем все в полном порядке:

– Ташшакур, хама кор хуб.

Ему, персу, конечно, удобнее было говорить на почти родном таджикском, чем мне. Но я старался не ударить лицом в грязь. С таджиками у меня были давние дела: ислам из их краев уже много лет шел к нам плотной струей, не менее мощной, чем с Кавказа, Волги, Приуралья и Саудовских банков.

– Дер боз камнамоед! – слегка упрекнул он. – Корхо чи тавр, чи гапи нав?

– Ташшакур, – поблагодарил я. – Хаво хунук шуд. Ман ба

хунуки токат надорам.

Он усмехнулся. Ссылка на холодный климат России, якобы не позволяющий мне бывать тут почаще, звучала из уст урожденного москвича действительно несколько юмористически. Однако перс тут же сделался серьезным, как бы давая понять, что протокольная часть нашей встречи завершена. Он слегка поднял брови:

– Ман ба хидмат тайерам. Шумо чи мехоход?

Это, конечно, не следовало понимать так, словно он готов оказать мне любую услугу. Но любая мне и не была нужна.

– Як хохиш дорам аз шумо, – тоном голоса я дал ему понять, что просьба будет серьезной. – Ое шайх Мансурро дидан мумкин аст?

Похоже было, что этого он и ожидал. И не стал заявлять, что свидеться с шейхом ну никак невозможно. Он ответил просто:

– Лутфан андаке сабр бикунед.

Я знал, что в таких ситуациях, учитывая восточные нравы, ждать порой приходится очень долго. Однако поверил, что перс устроит все наилучшим образом: он понимал, что с пустяками я не пришел бы. Еще веселее мне стало, когда перс добавил:

– Шайхи моро кофтааст.

Ага, значит, и у шейха были вопросы ко мне. Тем лучше... Мой собеседник тем временем внимательно огляделся.

– Шуморо як дакыка мумкин? – Он кивнул в сторону ни-

кем сейчас не занятой ниши.

– Бо камоли майл! – согласился я.

Мы отошли. Он протянул мне что-то, объемом с коробку конфет, в яркой подарочной упаковке.

– Ин чист? – поинтересовался я, хотя заранее знал, что содержит в себе пакетик. Мы – я имею в виду и Реан – нередко передавали информацию при помощи совершенно посторонних, казалось бы, людей. Но, соблюдая вежливость, все же спросил и даже поднял брови в знак приятного удивления.

Он едва заметно усмехнулся – вопреки восточной манере не выражать лицом ничего.

– Чоколат. Занатон.

Я не стал говорить ему, что не женат, и опустил подарок в карман. Он указал на человека, одиноко стоявшего на противоположном конце холла.

– Ое гапи маро мефахмед?

Я покачал головой:

– Ман уро намешиносам.

– Иштоб накунед, – настаивал он. – Ое дар ед надоред?

Я всмотрелся повнимательнее, как бы вспоминая. И кивнул:

– Бале. Ман сахз кардаам.

На самом же деле я узнал его сразу. Он остался таким же; с первого взгляда его легко можно было принять за посольского служащего среднего ранга, из тех, что любят называть

себя дипломатами, однако никаких вопросов не решают и доступа к серьезной информации не имеют; одним словом, мелкая сошка – одетый с некоторым даже щегольством, гладколицый, причесанный на пробор и благоухающий лосьонами и дезодорантами, в сто долларовых очках и галстуке ручной работы, удачно подобранном в тон, стремящийся произвести впечатление значительного лица и потому всегда тяжеловесно-серьезный. Таким он был четыре года тому назад, таким же остался и сегодня, похоже, ничуть не продвинувшись по службе. К этой характеристике можно добавить лишь одно: на деле он был совершенно не тем, кем выглядел, но об этом знали немногие.

Предполагалось, разумеется, что мне это неизвестно; да и в самом деле, – какое могло быть дело до таких вроде бы закрыто-элитных людей, как шейх Абу Мансур, иностранному разъездному корреспонденту господину фон Веберу, пишущему только о российских проблемах? Именно в названном качестве я с этим парнем встречался в последний раз – в Каире, кажется? (Ничего удивительного: Средиземноморье всегда относилось к числу российских проблем.) Однако прежде той была еще одна встреча, уже давно, и в те дни я не был еще ни журналистом, ни Вебером. Что делать, все меняется в этом неустойчивом мире!

Таким образом, на сию минуту у меня было некоторое преимущество в информации; однако я прекрасно понимал, что уже через несколько мгновений оно испарится: встретив-

шись со мной лицом к лицу, он скорее всего меня опознает – если сработает профессиональная память, – и все необходимые умозаключения сделает с быстротой хорошего компьютера. У него наверняка уже возникли сомнения по поводу самого моего появления здесь; но подозрения эти могли привести к нескольким выводам, и только поговорив с ним, можно было бы понять, на каком же из них он остановился. Кроме того, для меня представляло немалый интерес выяснить, зачем сам-то он явился сюда. Уж не ради меня, во всяком случае. Таким образом наши позиции уравниются. Ну, что же, понимание ситуации заставит его разговаривать со мной серьезно, а не блефовать с парой двоек на руках.

Однако самому мне казалось, что я еще не вполне перестроился для такого разговора. Нужно было сменить образ. А еще прежде – решить, хочу ли я вообще с ним разговаривать. И я несколькими движениями вывел себя из поля его зрения. Пока что посижу в этом вот закоулочке...

Закоулок оказался не только уютным, но и продуктивным – в смысле получения некоторой информации. Потому что по ту сторону здоровенной кадки с пальмой, чьи вееры свешивались низко и могли бы укрыть меня (вздумай я спрятаться), разговаривали два дипломата: первый секретарь одного посольства, обладающего, пожалуй, самым большим зданием в Москве из всех иностранных представительств, лично с ним я знаком не был (во всяком случае, для всех остальных); вторым же оказался известный мне мужичок, не

так давно служивший в российском посольстве в Каире, а сейчас занимавший среднего уровня должность в Ближневосточном отделе МИДа. Я сделал вид, что вовсе не намерен слушать их болтовню. Они же, похоже, не обратили на меня никакого внимания.

– ...Не можете ли сказать мне по старой дружбе, что, в конце концов, у вас сейчас происходит? Вы что, всерьез намерены принять ислам? Окончательно порвать с Европой?

Эта реплика принадлежала, разумеется, иностранцу.

– Происходит? У нас – период утверждения. Ислам – составная его часть. Элемент утверждения.

– Не хотите ли выразиться более, так сказать, доступно?

– С удовольствием: все это – открытая информация. В России был период сохранения...

– Простите?

– Ах да. Это на нашем внутреннем жаргоне. В конце прошлого века Россия пережила период распада. Вы готовились к работе в Москве и должны знать, что кроме отделившихся были еще и другие, желавшие выйти и более не возвращаться, хотя каждому серьезному человеку было ясно, что «Не возвращаться» – вряд ли получится...

– Хотел бы возразить. Почему же – если прошлое столетие было веком распада империй?

– Западных, дорогой советник. Периодизируя мировую историю и выявляя тенденции ее развития, все вы упускаете из виду одно: Россия – к счастью или на беду, сделана из

вещества с обратным знаком – из антивещества, если угодно. То есть там, где нормальное тело падает – она взлетает, и не может иначе, такова ее физика. Угодно пример? Сколько хотите, пусть хотя бы Вторая мировая война... Там, где нормальное отталкивает, – она притягивает, и наоборот. Такова ее мировая линия. Ее, так сказать, генеральный курс. Итак, наступил период сохранения. Он занял практически все время до начала XXI-го. Я считаю, что он ограничивался десятью годами: до 2012-го. Затем наступил период собирания. Избежать его можно было лишь ввязав Россию в Европу настолько, чтобы всякая попытка выйти за рамки приличий оказалась для нее невыносимо болезненной – политически и, главное, экономически.

Но вместо разумной деятельности по прорастанию Европы в Россию нас продолжали обносить флажками, словно волков. Что же оставалось делать России? Строить великую армию? Но это – производное действие, а не основное: чтобы строить что угодно, нужно сперва раздобыть денег. России требовались деньги и союзники взамен тех, которых она потеряла, когда перестал существовать Варшавский пакт. Она – правда, совершив перед тем несколько ошибочных ходов – принялась искать в единственном направлении, где имело смысл. Вам известно, в каком: на Юго-Востоке. И нашла. И то, и другое. Нашла даже больше, чем искала. Началось с Ирана, а чем завершается – вы сейчас и сами видите результаты простым глазом.

– Полно, – усомнился советник. – Так ли все хорошо на самом деле?..

Слушать их было скучно; все, что они там обсасывали, было давным-давно известно любому, кого это интересовало. И тем не менее такие прописные истины придется пережевывать еще не год и не два. Запад – и американцы прежде всего – никогда ни черта не понимал в русских делах. Боюсь, что даже татарское нашествие, вольно или невольно, представлялось им чем-то вроде войны с индейцами, потому что в их подкорке других критериев для сравнения просто не существовало. А трагические «Тридцать седьмые» сравнивались с порой маккартизма; как говорится, господин учитель, я хотел бы иметь ваши заботы. Вот почему они не в состоянии – да и не хотят – понять основную и истинную причину смены румбов. Еще Нашествие обручило нас с Азией; и все последующие столетия мы лишь то и делали, что убегали от Востока, а он не гнался, он просто не отпускал. Еще в начале века Россия выглядела утесом на берегу океана – бурного океана, который, ни на миг не стихая, все подтачивал и подмывал основание кряжа, южное основание, на котором и покоилось величие России, ее фундаментальность. Океан ислама. Можно было, конечно, строить какие-то дамбы и волноломы, но такие полумеры давали разве что моральное удовлетворение, и очень ненадолго. Опасность колоссального, воистину рокового оползня росла. И, не исключено, Евро-

па ждала, когда он произойдет: тогда то, что осталось бы от России, можно было бы принять в Европу без всяких опасений – оно и на самом деле оказалось бы всего лишь окраиной, никак не более. Убежать от судьбы было некуда: куда ни устремись, Россию с собой не унесешь.

И оставалось лишь одно: повернуть и идти навстречу. Не для того, чтобы сокрушить – это исключалось, – но чтобы утихомирить океан, перестав быть для него неприступным. Тем более что пучина была богата упитанными золотыми рыбками...

Нет, иностранцу такая информация была ни к чему хотя бы по той причине, что у Штатов никогда не было внешних границ с исламским миром. Правда, теперь возникали внутренние, но это уже их проблема.

Те двое все еще болтали. Или то было не одно лишь сотрясение воздуха?

– ...Я изложил вам, советник, все обстоятельства, определившие развитие событий.

– Знаете, – сказал советник, покачивая головой и при этом как бы невзначай скользнув взглядом по моей фигуре, – если все заключается лишь в том, чтобы помешать Соединенным Штатам контролировать мировое движение нефти и идей, то ваша игра заранее проиграна. Да и вообще... когда планы строятся на одном человеке, они могут рухнуть в любой миг: человек уязвим, не так ли? Даже и ваш экзотический

претендент.

Говоря это, советник снова стрельнул взглядом по диагонали – то есть в сторону пальмы, что разделяла нас. Я внутренне ухмыльнулся. Браво, старик. Спасибо за ненавязчивое предупреждение.

Но тут мне пришлось отвлечься от роли непрошеного слушателя. Потому что, в очередной раз окинув взглядом доступное ему пространство – а устроился я удачно, и виден был почти весь зал, – я обнаружил, что известный мне американец, к разговору с которым я внутренне готовился, утратил, похоже, надежду отыскать меня и нашел себе другого собеседника, а именно Липсиса. Естественно, слышать их я не мог; попытался читать по губам, но когда говорят по-английски, меня нередко ожидает фиаско. Неподалеку от них все тот же суетливый официант с подносом застыл, как бы выбирая новый маршрут. Он их наверняка слышал.

Ну, что же, – спасибо, – произнес я мысленно. – Часть информации, ради которой я и пришел сюда, передана и мною получена. Их операция утверждена и начата. Значит, я действительно приехал вовремя. Но главные дела на этом приеме у меня еще не сделаны. Терпеливо жду, как и рекомендовал мой иранский друг. Его я, кстати, тоже больше не вижу «между здесь», как говорилось в старом анекдоте. Уверен, что он сейчас докладывает шейху...

Но эта мысль оказалась ошибочной. Потому что не успела

она завершится точкой, как сам шейх Абу Мансур появился в зале.

Он неторопливо, как и диктовал его статус, спустился по лестнице со второго этажа. Не один, разумеется; ему неуместно находиться в одиночестве. Но, кроме лиц, которым положено не отрываться от него более, чем на метр-другой, в окружении шейха находился человек, которому там вроде бы совершенно не полагалось пребывать: экс-каперанг Игорь Седов, он же – частное лицо Изя Липсис, двоеподданный гражданин. Добился-таки аудиенции. Любопытно, с каким результатом?

Какие-то предположения можно было сделать, уже внимательно поглядев на их лица. Шейх Абу Мансур был серьезен, губы его выражали некоторое неудовольствие с едва уловимой примесью презрения; и хотя Изя, державшийся на полшага сзади, продолжал усердно шевелить губами, шейх ни на миллиметр не поворачивал головы в его сторону, и нельзя было сказать, слышит ли он его вообще. Что касается Изи, то мина его была скорее лимонно-кислой, чем какой-либо другой. Иными словами, результат был если не налицо, то, во всяком случае, на лицах.

Так-то оно так, но и шейх, и Липсис были людьми весьма опытными. И столь усердно показываемое ими отчуждение на самом деле могло свидетельствовать как раз о противоположном. Вот если бы они ласково улыбались друг другу – это говорило бы о провале переговоров. А такая вот мрачность

на глазах у десятков заинтересованных дипломатов, журналистов, разведчиков и прочих наводит скорее на противоположные выводы.

Очень интересно.

Еще не успев ступить на пол, шейх Абу Мансур медленно повел взглядом влево; то есть в моем направлении. Увидел меня. Я немедленно тронулся навстречу ему. Он слегка кивнул. И, сойдя с лестницы, повернул направо – в сторону личных апартаментов посла, куда никого не приглашали, поскольку территория эта для участников приема не предназначалась.

Однако к шейху запрет, разумеется, не относился; он беспрепятственно скрылся за двустворчатой дверью.

Я осторожно встал, чтобы не побеспокоить говорунов. Изя оказался на пути; я отрицательно качнул головой, чтобы он не вздумал заговорить со мной. Но он даже не удостоил меня взглядом – мы разминулись с ним, как автомобиль с фонарным столбом, ко всеобщему удовольствию. Он лишь едва заметно мигнул левым подфарником, и все. Я подошел к запретной двери, и она распахнулась передо мною, как если бы я носил титул по меньшей мере эмира, повелителя правоверных. На исчезающе малый миг я даже почувствовал себя таким.

Но тут же отогнал наваждение.

Я не часто чувствую стесненность, разговаривая с Людями

Власти, но на сей раз поначалу немного смутился. Очень уж внушительным выглядел шейх – как и большинство из них, когда не затягиваются во фраки или смокинги. Их играет не только свита, но и облачение, каждая складка которого источает Восток, по сравнению с которым мы часто оказываемся столь же наивными, сколь простодушен Запад по сравнению с Русью. Однако я быстро пришел в себя: в моей жизни то была далеко не первая такая встреча, и как вести себя, выказывая уважение, но не теряя достоинства, я был научен уже давно.

Мы обменялись приветствиями, и он сразу заговорил о деле; сказалось, наверное, западное воспитание, полученное им в молодости и позволявшее порою пренебрегать протоколом. Говорил он на прекрасном английском; видимо, ему было доложено, что по-арабски я говорю весьма коряво – да и то на сирийском, а не на аравийском диалекте.

– Я рад видеть вас в этом городе, – проговорил он.

– Я вас – еще более, саййид. Если позволите мне быть откровенным, скажу, что не ожидал видеть вас здесь сразу же после ид ал-курбана, великого праздника.

Между его усами и бородой на миг блеснули зубы:

– Каждый день хорош для дел веры.

– Следовательно, я смею надеяться: ваше прибытие означает, что вопрос о поддержке со стороны друзей решен окончательно – и в нашу пользу?

Медленным движением он огладил коротко подстрижен-

ную бороду.

– Не совсем так, му’аллим (не знаю, почему он решил именовать меня именно таким образом, но спрашивать не стал). Прежде чем решиться на безоговорочную поддержку, мы хотим понять: чем на самом деле станет для России монархия и чем может стать для нее сближение с Истинной верой? Долговечным бывает лишь то, что закономерно, или, как говорят у вас, органично. А люди, которые никогда не вводили меня в заблуждение, посоветовали мне разговаривать не с официальными экспертами, но именно с вами. Видимо (тут он позволил себе чуть улыбнуться), журналисты всегда лучше информированы. В зависимости от того, что вы скажете – искренне и чистосердечно, – и будет зависеть наше окончательное решение. Если мы сочтем ваши доводы неубедительными – уйдем в густую тень и будем наблюдать со стороны за исполнением предначертаний Аллаха, не более того. Итак, каково отношение к истинной вере вашей молодежи? Как вы понимаете, это является важнейшим: будущее – за нею. Поэтому нас интересуют не столько отцы и даже дети, сколь внуки. Можете ли вы поделиться вашими мыслями на сей счет?

Чего-то в этом роде я и ожидал. И наклонил голову:

– Я готов к такой беседе, государь. Но боюсь, что мне придется быть несколько многословным.

Впрочем, этим Восток не удивись.

– Говорите, – сказал он кратко. – Все, что скажете – лишь

для узкого круга.

– Итак, саййид, – начал я, – молодежь, как я убежден, созрела. И не только потому, что ее всегда тянет к новому. Молодежь – в массе своей, – как правило, оппозиционна всегда, когда чувствует неправду. Она стремится к Богу, но со стороны старших поколений видит не искреннее стремление, но лишь позу – когда речь идет о христианстве. Что же касается ислама...

Когда я закончил (через полчаса примерно), шейх после краткой паузы уточнил:

– Иными словами, процесс этот, по-вашему, является естественным?

– Точно так же, как то, что вода течет под уклон, саййид. Он провел ладонью по бороде.

– Я подумаю над тем, что вы рассказали. Вы, конечно, не считаете, что открыли нам что-то новое...

– Разумеется, нет, государь.

– Но всегда полезно узнать, как все выглядит с противоположной стороны. Поэтому я вам благодарен.

– Противоположная сторона – это ведь не мы, – осмелился поправить я.

– Мнения Запада мы узнаем через других людей, – тут же осадил он меня. И как бы для того, чтобы смягчить резкость, добавил:

– У этого есть своя польза. Например, мне стало извест-

но, что вы сейчас подвергаетесь достаточно серьезной опасности. Как сказал в своей касыде великий Рудаки, – он опустил веки и прочитал медленно, выразительно:

Он умер. Караван Шахида покинул этот бранный свет.
Смотри, и наши караваны увлек он за собою вслед.
Глаза, не размышляя, скажут: «Одним на свете меньше стало»,
Но разум горестно воскликнет: «Увы, сколь многих больше нет!»

Вы поняли? Не только тот, о ком вы заботитесь, но и вы сами. И вот мы решили в какой-то мере обезопасить ваше пребывание здесь. Так, разумеется, чтобы это вас нимало не стесняло.

Я покачал головой:

– Очень благодарен. Но новые люди непременно обратят на себя внимание...

– Новых не будет, – сказал он. – Теперь самое время пожелать вам успешной деятельности. И в особенности – на предстоящем съезде партии азороссов.

И кивком шейх дал понять, что аудиенция окончена.

Я признал, что для аравийского деятеля он был очень пристойно информирован.

Но я уже чувствовал себя созревшим и для неприятного разговора; мир состоит не из одних лишь удовольствий. Же-

лающий установить со мною контакт наверняка уже разыскивает меня и вот-вот заглянет сюда. Выйдем на люди, пусть он увидит меня и действует.

Я вернулся в зал. Когда я попал в поле зрения американца, в глазах его что-то мелькнуло – словно сработал затвор фотокамеры, установленный на выдержку в одну тысячную. Больше ничто на лице не изменилось; надеюсь, что и на моем тоже. Мы направились навстречу друг другу. Я представился:

– Вебер, журнал «Добрососедство», Аугсбург, Бавария. А вы... Минутку... По-моему, мы уже встречались, мистер... э-э?..

Он промедлил на долю секунды больше, чем следовало бы; видимо, у него возникли колебания в выборе своего имени: раз я его помнил, домашняя заготовка, рассчитанная на незнакомого, не годилась. А то имя, которым он назывался тогда, захоти я проверить, могло бы засветить его. В конце концов он решил, видимо, пойти на риск.

– Мистер Вебер, – сказал он весьма дружеским тоном, – моя фамилия Стирлинг, и я смело могу назваться вашим сородичем по газетному племени. Именно поэтому хотелось бы поговорить с вами о деле. Найдется здесь спокойный уголок? Суть в том, что у меня имеется для вас любопытное предложение.

– К сожалению – или к счастью – не могу пожаловаться на недостаток работы.

– О, в этом я более чем уверен. Но выполнение моей просьбы не потребует больших затрат времени – при этом могу обещать: принесет вам немалые выгоды. Теперь и в будущем. Сейчас я прошу только, чтобы вы меня выслушали.

Соглашаясь, я пока что не рисковал ничем. Так, во всяком случае, мне подумалось.

– О'кей, – сказал я. – Пожалуй, вон в том углу нас будут меньше беспокоить.

Указанное мною пространство находилось близ оркестра, затруднявшего подслушивание. Стирлинг оценил мою предусмотрительность и кивнул.

Очень кстати подвернулся официант. С бокалами в руках мы после непродолжительных маневров добрались до выбранного места. Здесь можно было перекинуться словом-другим, не делая тему беседы всеобщим достоянием. Разумеется, тут не хватало условий для серьезного разговора, и самым разумным оказалось бы – назначить время и место настоящей встречи; но похоже, что ему не терпелось добиться полной ясности относительно моего статуса, чтобы уже на ее результатах строить планы дальнейшего общения со мной.

– Как вам нравится сегодняшняя Москва? – спросил Стирлинг таким тоном, словно был полномочным представителем этой страны и этого города, или хотя бы его жителем на протяжении лет этак десяти. Это было, конечно, несколько нахально, но я лишь внутренне усмехнулся.

– Продолжает меняться, – ответил я. – Даже быстрее, чем я ожидал. Но я не уверен – к лучшему ли.

– То есть, вы полагаете, – к худшему?

– Нет. Я ведь сказал: не уверен. Не знаю. Очень давно не бывал здесь. Вот осмотрюсь, тогда смогу сделать какие-то выводы. Но что-то мне, во всяком случае, нравится – если говорить о деталях.

Я провоцировал его на выпад; он воспользовался подставкой.

– Вы уверены, что нравится? – спросил он серьезно. Я столь же серьезно ответил:

– Судите сами. Город строится; и на этот раз, впервые, быть может, за всю свою историю, строится хорошо, на высоком современном уровне. Не думаю, что увиденное мною здесь своей архитектурой, качеством постройки и отделки хоть немного уступает тому, что воздвигается – ну хотя бы на вашей родине. Можно, конечно, дискутировать о стиле, но не более того.

– Не слишком ли поспешное суждение? Вы не живете здесь уже двадцать лет...

– Двадцать один, если быть точным.

– Тем более. Неужели за это время вы, обитая на Западе, не выработали объективного взгляда на то, что происходит в этой стране?

– Напротив, считаю, что именно это мне и удалось.

– Мне рекомендовали вас как специалиста по новой ситу-

ации в России. Откровенно говоря, не знал за вами таких достоинств. Но что вы – видный журналист, было нам известно и раньше, мы обратили на вас внимание достаточно давно. И, скажу прямо, нам всегда нравилось то, что вы писали об этой стране, ее проблемах и способах их разрешения.

Я и в самом деле временами писал жестковато; так было нужно.

– Ну, может быть, все эти характеристики весьма преувеличены; но, собственно, какова тема нашего разговора? Могу вам чем-нибудь помочь? Буду рад – в свободное время, разумеется.

На его лице обозначился намек на улыбку; вероятно, она должна была означать: «Да какое же свободное время может быть у нас с вами...»

– Специалисты мне называли именно вас. И, кстати, я верю, что вы обладаете достаточной информацией для серьезных выводов. Вы ведь, не сомневаюсь, давно уже стали европейцем, вы не азиат, не так ли?

– Мое мироощущение, как и большинства моих соотечественников, всегда зависит от географических координат, – ответил я. – В Европе мы чувствуем себя европейцами. В отличие от вас, в любой точке продолжающих ощущать себя американцами – и никем другим. Если говорить точнее – мы хотели быть европейцами. Я бы сказал даже – очень хотели. И не наша вина в том, что этого не произошло. Хотя многим порой уже представлялось, что суп сварен.

– Ну а вам не хотелось бы отведать этой похлебки? Не там, где вы провели столько лет, а тут, дома?

– М-м... Вопрос несколько неожиданный. Допустим, я не отказался бы попробовать ложку-другую. Но мне кажется, что поезд с этим вагоном-рестораном уже ушел.

– А мне представляется, что мнение старого континента может еще измениться. Это, кстати, не только мое мнение. Если, конечно, Россия и сама все еще хочет того же.

– Трудно сказать. Может быть, если бы найти способ внушить ей, что смотреть надо все-таки на Запад, тенденции могли бы измениться. Но каким путем?

Стирлинг внимательно посмотрел на меня.

– Путь один: создание мирового общественного мнения. Россия даже и сегодня все еще достаточно восприимчива к нему. Бескровный путь.

– Ага, – стал я соображать вслух. – И для участия в создании этого общественного мнения вам, кроме прочих, понадобился я?

– Как нам известно, у вас есть читатели – и в России, и в Европе, что для нас одинаково важно.

– Следовательно, вы хотите, чтобы я что-то написал?

– Всякое дело должно выполняться специалистом, мистер Вебер.

– Что же именно? И для кого?

– Не беспокойтесь, для кого – это наша забота. Зато вы сразу выйдете на широкий мировой простор.

– Заманчиво. Ну и?..

– Ну и, разумеется, ваш труд будет соответственно вознагражден. Поверьте мне: такие гонорары вам и не снились.

– Знаете, сны у меня бывают самые необузданные. Так что хотелось бы несколько больше конкретности.

Он назвал сумму, пригнувшись к моему уху, хотя за шумом располагавшегося по соседству оркестра никто и так бы не услышал.

Я непроизвольно поднял брови и недоверчиво усмехнулся:

– Это не блеф?

– Мистер Вебер!..

– Хорошо. Допустим, я вам поверил, и вы меня наняли.

Но что я должен, по-вашему, написать, и на каких материалах основываться?

– Как вы, возможно, слышали, происхождение восточного претендента достаточно туманно. Скорее всего он не имеет никакого отношения к правившей династии.

Я пожал плечами:

– А какая, собственно, разница? Принадлежность к Романовым вовсе не является непременным условием избрания на царство. Да и кроме того – это слухи весьма общие.

– Так вот, туман там гораздо гуще, чем вам представляется. И дело не в том – Романов он или нет, и все такое. Дело в обмане, в стремлении обмануть целую страну, да и весь мир...

– Это было бы, конечно, возмутительно. Но где доказательства?

– Есть. Вы получите материалы, убедительно свидетельствующие об этом. На их основании вы напишете цикл больших и серьезных статей, которые докажут, что все аргументы относительно его принадлежности к дому Романовых – сплошной вымысел и фальсификация. Начнете, разумеется, спокойно и солидно, с возникновения, допустим, самого движения за реставрацию монархии в России – чтобы привлечь к вам внимание читателей. А уже затем – нокаутирующий удар по претенденту, которого поддерживает Восток, – подчеркивая его инородность для России.

– Такие документы на самом деле существуют?

– Вы будете держать их в руках.

– Они у вас с собой?

Стирлинг поднял голову, чтобы гримасой отогнать официанта с напитками, который вот уже в третий раз подходил к нам.

– Разумеется, я их не таскаю в кармане. Речь идет о подлинных документах... Но я расскажу вам, где и как их получить. Объясню немедленно после того, как получу ваше согласие.

– Когда вам нужна статья?

– Вы знаете, что на днях открывается Чрезвычайный съезд партии азороссов, на котором восточному претенденту будет объявлена официальная и всемерная поддержка. Эта

партия, по сути дела, его предвыборный штаб.

– Знаю. Я должен дать в мой журнал материалы об этом съезде. Как и обо всей кампании. Регулярно освещать ее. Кстати, съезд называется Программным, а не...

– Прекрасно. Быть может, вам пригодятся и некоторые из делегатских выступлений. Что же касается текстов, то необходимо, чтобы в предпоследний, в крайнем случае в последний день съезда газета с разоблачительной статьей была в руках его участников.

– Ну, что же... Срок приемлемый.

– Итак, вы согласны?

– Да.

Мы подержались за руки. Хватка у него была твердой.

– Теперь слушайте...

Опять-таки на ухо он объяснил мне, когда, где и как я смогу получить нужные мне исходные материалы.

– О'кей, – сказал он в заключение. – Очень рад тому, что вы оказались разумным человеком. Простите, что отнял у вас столько времени.

– Все в порядке, не беспокойтесь. Я люблю поговорить. Давний недостаток. Особенно, когда разговор заканчивается контрактом. Кстати, как и когда будет произведен расчет?

– В день опубликования статьи.

– Не подходит. Публикация – это ваши проблемы. В день сдачи мною материала. Мой счет в Аугсбургском отделении «Дойче банка», запишите номер. В евро, не в долларах.

– Все будет сделано именно так, – заверил он.

– Благодарю вас.

– Да, кстати, вы действительно полагаете, что референдум выскажется за реставрацию?

– Третья попытка обычно оказывается удачной. А вы хотите обязательно видеть Россию республикой?

Стирлинг пожал плечами; однако выражение его лица говорило, что с наибольшим удовлетворением он вообще не видел бы на карте мира никакой России; просто белое пятно с предостерегающей надписью: *Hinc sunt leones*.³ А вокруг – высокий забор. Как в зоопарке.

Я улыбнулся ему со всей возможной приятностью.

³ здесь живут львы (лат.).

3

Разумеется, я был приглашен на прием не ради разговора с иностранцем. И не только для получения как бы со стороны информации о начале операции по устранению восточного претендента: передать мне это успели, как уже упоминалось, иным образом, тут я услышал лишь подтверждение. Еще утром я предполагал, что основная моя цель – побеседовать с шейхом Абу Мансуром. Теперь оказалось, что я ошибался – хотя разговор и оказался важным.

Настоящий, серьезный результат моего приглашения (я говорю не о смысле моего приезда в Москву, но только об этом самом официальном приеме) был совершенно иным. И заключался он в том, что мне были ненавязчиво показаны люди – числом до десятка, – с которыми мне предстояло скорее всего общаться в ближайшем будущем. Компакт-диск в прочном футляре, содержащий информацию об этих людях, которая могла понадобиться для начала, был мне вручен в виде коробочки конфет, в удалении от имевшихся тут в изобилии любопытствующих. Времени на то, чтобы вдумчиво ознакомиться с материалами и составить хотя бы приблизительную диспозицию моих действий на ближайшие дни, оставалось очень немного. А кроме того, я начал ощущать усталость; и в самом деле, за последние три дня отдыхать практически не пришлось. Поэтому я воспользовался начав-

шимся уже разъездом и постарался исчезнуть, не привлекая к себе излишнего внимания. Его, впрочем, никто и не выка- зывал; даже официант, что надоедал нам с американцем в нашем уединении, в очередной раз проскользнув мимо, и не глянул в мою сторону.

Забот со мной у посольства было немного: не пришлось даже вызывать машину к подъезду, поскольку я, как уже упо- мянуто, не успел ею обзавестись. Я просто-напросто вышел и не спеша направился к Кольцу, намереваясь вернуться в гостиницу пешком – точно так же, как прибыл оттуда. Было сухо, тепло, и в переулках – темновато, в отличие от Садо- вого кольца: даже отсюда верхние два его яруса были ясно видны, ярко освещенные; мне они вдруг напомнили внеш- ние кольца Сатурна – с той только разницей, что колец этих я никогда не видел, все никак не удавалось оказаться побли- зости от телескопа. Правда, фотографий попадалось множе- ство – иначе откуда бы я знал, как они выглядят?

Итак, я медленно, словно пенсионер на прогулке после легкого ужина, продвигался по Неопалимовскому по направ- лению к Кольцу. Непохоже было, чтобы кто-то из команды шейха взял на себя заботы о моей охране; обещания редко выполняются немедленно, да и сейчас охрана была бы ни к чему, только мешала бы думать. В переулке было не только темно, но и тихо, разъездной шум у посольства остался по- зади, за крутым изгибом, а гул Кольца, ровный и неумолч- ный, как шум водопада, доносился сюда приглушенно, был

фоном, на котором можно было бы услышать посторонние звуки, если бы такие возникали поблизости; их, однако же, не было.

Идти в темноте и тишине бывает приятно, но только по ровной дороге, на которой не приходится высматривать выбоины и прочие неровности, мешающие равномерно-безмятежному передвижению. В Германии я привык ходить именно по таким тротуарам, и сейчас, занятый иными мыслями, позволил себе на несколько минут позабыть, что нахожусь в Белокаменной.

Воздаяние за сбой памяти последовало сразу же: я споткнулся и с маху приземлился на ладони и колени, не испытав при этом никаких приятных ощущений. Событие было настолько неожиданным, что я не стал подниматься с колен, а, напротив, опустился на живот, отполз в сторонку шага на четыре, прижался к стене дома и, не выпрямляясь, замер.

Причиной такого странного, скажем прямо, поведения было не какое-то неожиданное нарушение мыслительного процесса; наоборот, голова в эти мгновения работала донельзя ясно. Двигаться так меня заставил некий звук, что сопровождал мое падение: едва слышный хлопок и одновременное легкое чириканье. Хлопок раздался чуть в отдалении – на той стороне переулка, где располагалась обычная московская детская площадка с качелями, каруселями и прочим необходимым инвентарем. Чириканье же прозвучало совсем рядом, вернее, прямо над головой, а еще точнее, именно там,

где находилась бы моя голова, не хлопнись я в тот миг наземь. Чирикание напоминало птичий голосок – но только напоминало. К тому же, птицы сейчас спали – в отличие от кошек и людей, имеющих привычку затемно возвращаться пешком с дипломатических приемов, но то была ни кошка, ни птичка, а просто пуля.

Растянувшись во весь рост, прижимаясь к стене и ничуть не заботясь в те доли секунды о сохранности и чистоте моего костюма, я выждал несколько минут. Окажись там в эти мгновения прохожий и заметь он меня – скорее всего принял бы за пьяного; но тут была не Германия и не Штаты, и никто не стал бы по такому заурядному поводу беспокоить милицию; мне же прохожий оказался бы очень кстати: стрелок вряд ли стал бы пытаться удачу в присутствии посторонних, для верности ему пришлось бы снять и непрошеного свидетеля, но ведь то мог быть и вооруженный милиционер, направляющийся на смену поста у посольства. Так размышлял я. Однако, видимо, смена производилась в другие часы – никого не было, ничьи шаги не нарушали тишины. В том числе и шаги того, кто стрелял из пистолета с глушителем и чья пуля, пролетев надо мной, явственно пропела свое «С приветом от...». Так, во всяком случае, мне показалось в первые мгновения. Но почти сразу я убедился в своей ошибке: на самом деле на той стороне переулка кто-то легко-легко, едва касаясь земли, убежал – и, если только слух мой не галлюцинировал, другие шаги, столь же невесомые, преследо-

вали его. Значит, шейх не подвел? Или стрелков было двое, решившихся приветствовать меня?

Однако от кого именно исходил предназначенный мне привет, мгновенно сообразить было трудно. Ясно было лишь, что послание было не московским, стрелок не чувствовал себя дома: московские, вообще российские профессионалы действовали бы куда нахрапистее и наглее, подошли бы вплотную и в упор всадили несколько пуль в грудь и голову, так они действовали и полсотни лет назад, когда искусство и бизнес заказного убийства процвел на Руси; с тех пор не произошло ничего такого, что заставило бы их сменить методику.

Нет, киллер был здесь, вероятно, еще более чужим, чем я. Но нацелен был именно на меня, знал, где я нахожусь нынче вечером, и терпеливо ждал. Именно меня – потому что я был едва ли не единственным, кто прибыл сюда без машины и в одиночку, не в компании. Ну, что же: да здравствуют хреновые московские тротуары, и сейчас, в середине века, все еще разрушающиеся быстрее, чем их успевают ремонтировать, и тем дающие постоянный кусок хлеба немалому количеству людей, кидающих асфальт на мокрый грунт.

Я лежал, и мне было, откровенно говоря, не очень уютно. Меня заботила сохранность сразу двух вещей: собственного организма, разумеется, и той информации, которая сию минуту находилась еще не в самом надежном и портативном хранилище – не в моей памяти, – но на диске. Осторожно

шевельнувшись, я нащупал ее; к счастью, при падении с ней – насколько можно было определить на ощупь, во всяком случае – ничего плохого не произошло. Нет, конечно, то был не местный деятель. Местный воспользовался бы автоматом, не стал бы выпендриваться и стрелять одиночным, чрезмерно положившись на свое искусство. Ну а если так, то он уже не ожидает результатов: ему необходимо скрыться никак не менее, чем мне, даже куда больше: за мной хоть не гонятся. К тому же – пришло мне в оставшуюся непродырявленную голову – у него ведь есть все основания полагать, что работа им сделана успешно: я упал практически одновременно с выстрелом, разница была наверняка в сотые доли секунды, а такую разницу человек своими органами чувств определить не может; и для него картина может выглядеть так: он выстрелил, я с ходу упал без единого слова, в то время как просто упали я или даже оказался лишь раненным, – наверняка издал бы определенные звуки, которые легко расшифровал бы всякий, знакомый с русской просторечной лексикой. Значит, я был поражен насмерть; сделав такое заключение, автор выстрела должен был незамедлительно пуститься во свояси, даже не успев услышать, как к нему приближается тот, кто затем кинулся ему вдогонку.

Построив такое рассуждение, я решил, что загораю уже вполне достаточно, и пора домой – баиньки. Я прополз еще метров двадцать в направлении Кольца, облегчая дворнику его утреннюю работу; потом, миновав дом и оказавшись ря-

дом с газончиком, перекатился на него, еще немного выждал и осторожно поднялся. Отряхнул с себя мусор, отлично понимая, что это была всего лишь жалкая полумера: мой таксидо требовал сейчас химической чистки, никак не менее. Впрочем, в ближайшие два дня он мне не понадобится в любом случае. Правда, сейчас на Кольце, при ярком свете ртутных ламп, я буду выглядеть не самым презентабельным образом и невольно привлеку к себе внимание – особенно теперь, когда в Москве в связи с визитом шейха все специальные службы суетились, как наскипидаренные. И не зря суетились, подумал я: у кого-то имеются очень серьезные творческие замыслы на ближайшее время, и дело тут, конечно, не в шейхе, да и сам визит этот – лишь пробный камень перед другим прибытием сюда – лица гораздо более значительного, лица, которое намерено заслужить – и скорее всего заслужит – определение «исторического». Так или иначе, меня могут задержать – просто для выяснения; я ни в чем не был виноват, но сейчас мне меньше всего требовалась хоть малейшая огласка – не говоря уже о потере времени и о необходимости донести до дома доверенный мне диск, не допуская, чтобы кто-либо заподозрил об его существовании – будь то даже лучший друг. А кроме того, на Кольце сейчас мог оказаться и мой неизвестный доброжелатель с глушителем – он мог просто так, для уверенности, какое-то время контролировать выход из переулка, чтобы уж окончательно успокоиться на мой и на свой счет. Нет, на Кольцо сейчас выходить

никак не следовало.

Эта мысль не смущала. Район издавна был мне хорошо известен не только со стороны фасадов, но и дворов, черных ходов, мусорников и перелазов. Конечно, многое, как я уже убедился, изменилось в Москве за время моего отсутствия; однако же градостроительные перемены происходят прежде всего и главным образом со стороны улиц и фасадов; дворовые микроструктуры изменяются значительно медленнее. Так что с газончика я даже не стал возвращаться на тротуар; напротив, пересек наискось насаждения, прошел вдоль задней стороны дома, мимо плотного ряда замерших на ночь машин; несколько мгновений колебался, решая – не воспользоваться ли какой-нибудь из них: технология угона даже хорошо защищенной машины была мне известна давно и досконально (я иногда, расслабившись, позволяю себе даже удивиться, какое количество умений мне известно такого рода, о которых порядочному человеку и гражданину даже и догадываться не следовало бы; угон машины был не самым крутым из этих навыков, нет, далеко не самым...); при таком обороте дела были свои плюсы, но почему-то я не стал делать этого; просто потому, может быть, что это была Москва, и мне не хотелось здесь... А впрочем, не знаю – почему. Не захотелось – и все, и я не стал. Пошел задами пешком, в неприметном месте вышел на малолюдную сейчас Плющиху, пересек ее, убедившись предварительно, что поблизости нет никого из стражей порядка; спустившись по

лесенке на Ростовскую набережную, прогулялся по мосту и наконец почувствовал себя почти дома – для чего проник в «Рэдисон» все-таки через один из служебных входов. Он был, естественно, заперт, но о такого рода мелочах добропорядочному корреспонденту русскоязычного журнала, издающегося в Германии, даже и упоминать не следует. В конечном итоге всякий ларчик открывается просто – при наличии соответствующих приспособлений, необходимых современному работнику массовой информации никак не менее, чем ноутбук в руке и пистолет – в кобуре под мышкой, под ремнем на спине или просто и бесхитростно – в кармане.

Ключ от номера был у меня с собой: не люблю оставлять их у дежурного. Все было в порядке, меня никто не ждал. Я внимательно осмотрел номер. Не то чтобы никто не любопытствовал; однако все было в пределах правил игры – любознательность, но чисто служебная, без злого умысла. Я вынул из внутреннего кармана CD-диск; под яркой оберткой коробка была запаяна в пластиковый мешочек – для защиты от влажности и нескромности. Поэтому я взял ее с собой в ванную, чтобы она постоянно находилась у меня на глазах – пока не перестанет быть нужной и не подвергнется уничтожению (просто стереть запись – слишком мало). С удовольствием вымылся, костюм оставил на диване, чтобы не забыть завтра сдать в чистку. Поколебался – не заказать ли легкий ужин, но есть не хотелось. Выпивка была в номере – однако я давно уже пью только при крайней необходимости или по

большим праздникам, как-то: день рождения (свой и самых близких) и знакомство с женщиной. Но до дней рождения было далеко, а женщина, отношения с которой я собирался восстановить, как оказалось, сегодня не захотела меня видеть – так что дружбу нашу (или как это назвать) можно будет реставрировать лишь через некоторое время; я искренне надеялся, что оно окажется достаточно кратким и кончится уже завтра.

Хотя кто-то, видимо, придерживался другого мнения – судя по нынешнему происшествию. О чем меня своевременно предупредил шейх; но я не внял, а обещанная им помощь, судя по всему, не сработала. Итак, открылась охота не только на Претендента, но и на меня.

Интересно, чьих рук дело? Не знаю, но мне почему-то казалось, что данные об организаторе моей неприятности в числе прочих находятся на том самом диске, с которой мне вскоре и предстояло ознакомиться.

Впрочем, это всего лишь удобный оборот речи: «почему-то казалось». На самом деле вовсе не казалось; я был в этом более чем убежден. И у меня были на то свои причины.

По совести говоря, мне следовало сразу же, не дожидаясь никаких дальнейших событий, разобраться с полученной информацией. Но, как ни стыдно признаваться в этом, я чувствовал себя не лучшим образом; нервочки поизносились, и пустяковый, по сути, эпизод в Неопалимовском требовал какого-то времени, чтобы я смог привести себя в порядок.

Времени – и какого-то легкого, отвлекающего занятия.

Разве что для отвлечения я и позвонил – без всяких предосторожностей – в одно местечко: в государственную Службу безопасности, а вовсе не ребятам из Реанимации. В службе довольно высокое местечко занимал мой старый – тоже еще по флотским временам – знакомый, а может быть, даже приятель; вот другом я его никак не назвал бы. Позвонил я ему по той причине, что не сделаю я этого – он, или кто-то другой, в чьем поле зрения я сейчас наверняка находился, чего доброго, удивился бы, даже больше, чем ему положено.

Понятно ведь, что если человека, к примеру, ограбили, а он промолчал, не заявил в милицию, которой о краже все же стало известно, – это сразу настораживает: потерпевший молчит потому скорее всего, что боится привлечь к себе внимание; почему же внимание правоохранительного органа его так страшит? Разберитесь, ребята...

Мне излишнее внимание с любой стороны сейчас было скорее вредно, чем наоборот. И следовало исполнить свой гражданский долг.

Дозвонившись, я наткнулся на секретаря; преграду эту одолеть удалось далеко не сразу, и я начал было злиться, когда в трубке прорезался наконец знакомый мягкий баритон; такие голоса хорошо иметь врачам, особенно психотерапевтам: успокаивают и вызывают на полную откровенность. Ба-

тистову такие вещи хорошо удавались еще в его лейтенантском бытии – да, надо полагать, и позже, иначе вряд ли он сейчас был бы полковником.

– Батистов слушает, – проговорил он, и голос при этом звучал донельзя доверительно.

– Вас беспокоит Вебер, специальный корреспондент...

Если у меня и шевелились сомнения по поводу того, успели они засечь меня или нет, они тут же развеялись, как выбитый из трубки пепел на ветру.

– Привет, Виталий, – сказал Батистов ласково. – Сто лет тебя не встречал. Рад, что ты наконец объявился. Забываешь друзей, тевтон ты этакий. А я думал, что и не увидим тебя больше в России. Как она там, жизнь в немцах – ласкает? Или невмоготу стало и потянуло к родным осиновым кольям?

– Живу нормально. Корреспондирую вот в журнальчике, разъезжаю по свету. Доходы невелики, но на табак хватает.

– Почитываем тебя, не без того. Ничего, более или менее прилично. Только уж прости – не понимаю, с чего это тебя тогда унесло с родины. Ты же, помнится, уже в майорах ходил? Через капитана тогда перескочил, помню. Наверняка был бы сейчас генералом – не в нашей службе, так в смежной какой-нибудь... Чего ж ты так, а?

Он прямо-таки всей душой сочувствовал мне, жалел о моей несостоявшейся карьере. Добрый, хороший мужик, не правда ли? Так и тянет закапать скуными мужскими его жи-

летку...

– Да уж так получилось, полковник...

– Брось! Брось, не то обижусь. А это, знаешь ли, чревато, – он посмеялся в трубку, давая понять, что всего лишь шутит. – Скажи уж откровенно: жалеешь?

– Да не знаю. Чинов больших не выслужил, это правда, зато мир повидал.

Он секунду подумал.

– Жаль – сейчас не получится поговорить, у меня тут небольшая запарка. Знаешь, что? Давай, приходи... сейчас прикину... да, завтра у меня будет посвободнее... завтра в шестнадцать, устроит? Посидим, тряхнем стариной. Ты на грудь еще принимаешь?

– Бывает – если не стенолаз какой-нибудь...

– Ну, с этим проблем не будет. Так я записываю? Пропуск будет заказан...

– Постой, Сева, постой. К тебе идти не очень-то охота: какой разговор под казенными орлами? Давай уж где-нибудь на нейтральной, как говорится, почве. В каком-нибудь «Голубом Дунае».

– Сразу видно, как ты отстал. Давно уже так не называют...

– И потом, завтра, да и послезавтра тоже – у меня никак. Я ведь только что приехал, мне еще корпункт открыть, секретаря подыскать, аккредитацию оформить, и все такое прочее. К тому же уже заказ успел получить на цикл статей, надо

срочно отписываться.

– Растерял, растерял ты, Виталик, дружеские чувства!

– Ничуть не бывало. Скорее уж ты. Я ведь не просто так звоню.

– Ну, меня-то ты зря упрекаешь. Я о тебе ни на день не забывал все эти годы. Говоришь, не просто так? А в чем, собственно, проблема?

Голос его на последних словах чуть изменился; сладости в нем поубавилось. Ах ты, Сева, Сахар Медович...

– Проблема в том, – сказал я тоже без лирических оборотов, – что в иностранных корреспондентов в столице России в первый же вечер их пребывания стреляют. И не просто, чтобы напугать. Что же вы так бездарно заботитесь о людях, целиком полагающихся на вас?

– Так. Это в тебя стреляли? Где? При каких обстоятельствах?

Я изложил ему суть дела – столько, сколько ему можно было знать. Журналист был приглашен на дипломатический прием, потусовался там, пошел домой – и тут в него... Он слушал, лишь изредка вставляя свое обычное: «Так. Так». Когда я закончил – сказал:

– В милицию не обращался?

– Только к тебе.

– Правильно. Запущу машину, разберемся. Но вообще-то... Не слишком ли ты неразборчив, а?

– Не понял.

– К чему тебе шляться по исламским посольствам?

– Запрещено, что ли?

– Да нет, понятно, у нас пресса свободна. Я тебе просто так, по-дружески. В порядке предупреждения. У них с этим их царем все равно ни черта не получится. Эта каша не для России. А как только он провалится – пойдет, чего доброго, такой откат, что... Нам и вообще-то царь не нужен, хватает президента. Недаром же он сказал в последнем обращении к нации: «Я сделаю все, чтобы не допустить в стране никаких потрясений и фундаментальных перемен». И это не только сотрясение воздуха, поверь. И нынешний кандидат прямо на его плечах въедет в Кремль. А уж мусульманского царя мы и подавно не хотим и не захотим никогда.

Я не стал спрашивать, кто – «мы». Вместо этого спросил:

– Кстати, ты не знаешь, как и где его найти? Мне заказано интервью с ним, это такой гвоздь будет, понимаешь...

– Ты о ком, об этом претенденте? Или о кандидате в президенты?

– Об Александре. К президенту у меня вопросов вроде нет. Алексей же где сейчас: в Париже? Европейский претендент?

– Да вроде бы. Тут запутаешься совсем, – вдруг пожаловался он: – Кто претендент, кто кандидат, кто вообще черт знает кто...

Я оставил его слезы без внимания.

– Зато Александр, говорят, в Москве. Вы же его наверня-

ка охраняете; помоги установить контакт. Век не забуду. По старой дружбе, поспособствуй.

Батистов помолчал немного.

– Рад бы помочь тебе, – ответил он наконец, – но не могу. Не имею права. Это, Витек, информация не какая-нибудь «Для служебного пользования»; эта – с двумя нулями. Здесь полная дробь. Попроси о чем-нибудь другом.

– Жаль, жаль... – протянул я разочарованно. – А я рассчитывал. (Он сердито засопел в трубку.) Ну ладно, тогда хоть обеспечить мне нормальную безопасность. Я остановился в «Рэдисоне»...

– Да слышал я. Знаешь, просьбы у тебя нынче какие-то... боцманские. Не могу я за каждым газетчиком пускать топтуна, не в двадцатом веке живем. Не в силах, уж не обессудь.

– Вот так раз (крушение моих надежд, судя по унылому голосу, оказалось полным)... Что же мне делать?

– Сказал уже: держись подальше от... всех этих – и проблем со здоровьем не будет. Усек?

– Да, заставил ты меня задуматься. И на том спасибо. Ладно, Сева, позвоню тебе, как только разберусь со своим расписанием... Будь здоров. И если повезет узнать, кто там на меня охотился, – уж не скрывай, это как-никак и меня самого интересует...

Этакая маленькая шпилечка под занавес.

И я положил трубку. Значит, так. О месте, где пребывает сейчас претендент Александр, службе ничего не извест-

но. Очень хорошо. Ей этого знать и не следует вовсе. Что же касается прочего, то пока еще они меня не пасут. Мелочь, но приятно. Иначе он пообещал бы, я ведь сам давал ему возможность легализовать наблюдение. Следовательно, я для них пока серьезным объектом не являюсь.

Иншалла.

Я сладко потянулся и наконец-то почувствовал, что пришел в себя. Теперь можно было и взяться за дело.

Я уселся в кресло перед компьютерным столиком, раскрыл кейс, заправил диск и принялся за работу, предварительно убедившись, что все жалюзи закрыты и ничье любопытство не вызовет во мне вполне понятного ощущения досады.

На компакт-диске, врученном мне на приеме, было названо четырнадцать человек. Правда, двое из них не относились к руководителям, но именовались всего лишь наблюдателями. Первым из них был тот самый шейх, в честь которого устраивалось нынешнее шумство и с которым я успел столь приятно и полезно побеседовать наедине; второй тоже оказался знакомым: любопытный американец, заказавший серию статей. Этих я решил отложить на потом, если останется свободное время, и принялся за основных персонажей. В том порядке, в каком они располагались в записи.

Зеленчук Амвросий Павлович. Тридцать лет. Национал-социалист, участник нескольких вооруженных акций. В период нахождения нацистов у власти – то есть совсем недавно – помощник министра просвещения. Формально порвал с партией два месяца тому назад, не в одиночку, а вместе с целой группой молодых людей – группой, которую он, надо полагать, и возглавляет. Вероятно, приведет ее в полном составе и в новую партию.

Зачем нацисту уходить в азороссы? На что ему происламский государь всея Руси?

Тут можно в первом приближении построить такую схему: привлекла перспектива создания сверхмогучего Российского государства – на радость нам, на страх врагам. Государь-

ства, весьма активного во внешней политике, точнее – в продолжении ее иными средствами. Цвет знамени роли не играет. Это – первый мотив. Второй, разумеется, всеобщий: деньги. Официально никто ничего не заявлял, однако известно, что финансовых затруднений у партии и нового государя не будет. И третий: партия, уже по определению, вследствие явного тяготения к магометанству, должна вроде бы проводить жесткую политику при решении всех и всяческих еврейских вопросов, сколько бы их ни возникало в любой точке земного шара. Нацист вполне может думать именно таким образом: по их представлениям, политика вообще – геометрия прямых линий на плоскости, в то время как на самом деле она складывается исключительно из кривых высшего порядка, и никак не на плоскости, а в пространстве трех, четырех и более линейных измерений. Однако для Зеленчука это – закрытая книга, его мышление никак не замысловатее траектории полета пули.

Ну-ка, как он выглядит? М-да... Что ж: вполне соответствует. На челе его высоком не отражается ровно ничего. Глаза пустоватые, и от этого, может быть, взгляд кажется весьма решительным. «И если он скажет: убей – убей»... Откуда он такой, кстати? В прошлом – прапорщик. Морская пехота. Что ж: серьезный человек. И фигура явно подставная; за ним – кто-то покрупнее и поумнее.

Ну а с позиций моего интереса – он перспективен? Уж больно все привлекательно. Поэтому он скорее всего в моем

варианте не замешан. Но на всякий случай – сделаем крохотную зарубочку. Может быть, все-таки понадобится вернуться к этой кандидатуре. Хотя и вряд ли. А сейчас перейдем к следующему номеру.

Бретонский Адриан Стефанович. Именно Стефанович, сын Стефана, а не какого-то там Степы. Адриан. Мне казалось, что имя это выпало из обихода лет этак с полтора ста тому назад; однако же вот вам. Правовед, а помимо того, как ни странно, – доктор исторических наук, известен главным образом своими трудами именно этого плана. А вот место работы – из другой оперы: юрисконсульт фирмы. Фирмочка какая-то занюханная, не из тех, что рекламируют себя по телевидению. Сорок семь лет. Семья? Есть семья. Член Соловьевского общества. Какие мотивы участия в деятельности этой партии могут быть у Бретонского? Ну, они очевидны. Неумирающая идея высокой миссии России на Востоке – любой ценой, хотя бы и такой. Тилингет, одним словом; так выговаривал в свое время один мальчик. Представитель вымирающей, да по сути дела, уже вымершей категории российских интеллигентов.

Меня он интересует? Вряд ли. Хотя опять-таки... настолько типичен, что невольно начинаешь искать выглядывающего из-за кулис режиссера. Тут тоже сделаем засечку, но уже другого рода. В исполнители он никак не годится. А вот представителем некоей организации вполне может оказаться. Тут их должно быть по меньшей мере двое, если толь-

ко не трое; а пока не обозначен ни один. Значит – возможный кандидат.

Дальше. Сергей Петрович Пахомов. Экономист, притом весьма известный. Автор многих трудов и теорий. Россия вообще богата выдающимися экономистами; это очень хорошо, плохо лишь то, что время от времени то один, то другой из них прорывается к власти. Зачем ему эта партия? Тоже никаких секретов: уж он-то понимает, что России для полного и небывалого расцвета нужны три вещи – деньги, деньги и деньги. Надежные. Дорогие. Обеспеченные. Где лежат деньги, он прекрасно знает; помнится, одна из его работ как раз и посвящена была нефтяным капиталам Ближнего Востока и Латинской Америки. Ну, до Америки слишком далеко, а Восток – он на то и Ближний, чтобы находиться по соседству. Вот почему господин Пахомов – среди руководителей партии. Ну и еще, разумеется, потому, что ему, как и Бретонскому, вовсе не безразлично, что когда (и если) будет писаться история этой партии, его имя появится там уже на первой странице.

Меня Пахомов, откровенно говоря, совершенно не интересует: с моей точки зрения, это ноль без палочки. Хотя я сужу, разумеется, не по экономическим категориям. Тем не менее контактировать придется и с ним. Как, впрочем, и с каждым из этого списка.

Позиция четвертая. Филин Сергей Игнатьевич. Уже два Сергея. Генерал-майор. Полгода в отставке, до того коман-

довал корпусом на Южном Урале. Иными словами, чуть ли не в окружении исламских земель: тут – Башкирия, там – Казахстан. Понятно. В работе партии участвует, естественно, не просто как фигура, но как представитель военных слове. Почему? Это ясно даже ученику начальной школы. Военным хочется, чтобы была могучая и первоклассно оснащенная армия. Для защиты страны. А при определенном стечении обстоятельств – и царя, и веры. Если партия реализует свое предназначение, то отношение к военным еще более изменится к лучшему (хотя уже и на сегодня сделано, скажем прямо, немало. На солдата на улице снова глядят с уважением; как я слышал от деда, так в России любили военных сотню лет тому назад, и еще раньше). И в армию просто хлынут добровольцы. Такая начнется идеология... Присутствие генерала среди учредителей партии – прекрасный знак для нее. Не забудем, что в России сейчас у власти вот уже восьмой год находится генералитет – не только армейский, конечно. Нет, не формально, разумеется, но фактически. Значит, обладатели власти не против новой партии. Вот и чудесно.

Вот только мне он ни к чему. Ну что же: и ему спокойнее будет, и мне. Полный О.К.

Пятый. Веревко Андрей Андреич. Председатель правления Селфхелпбанка. Названьице... Впрочем, они его быстренько сменяют, если понадобится. Англицизмы сейчас не в моде. Назовут его, скажем, Арзакбанк – а слово это в

арабском означает хлеб насыщенный, коим наделяет Дающий Пропитание; так, во всяком случае, сказано в Книге. Банк, правда, хлебом как раз не занимается, его интересы пахнут нефтью. Газом, кстати, тоже. А уж раз тут прозвучало слово «нефть», то больше и не надо объяснять, почему Андрей Андреич оказался в числе руководителей. Как выглядит наш банкир? Молодой, упитанный, взгляд несколько свысока... Очки – из дорогих, конечно же. Очки – значит мне с ним делать нечего. Интересующие меня люди должны обладать хорошим зрением. И хорошо отлаженной нервной системой. Банкиры же, как правило, этим похвалиться не могут. Еще у себя в кабинете или на заседании правления – туда-сюда, но в нетривиальной обстановке...

Ладно, с ним мы побеседуем на приятные нефтегазовые темы. Не более того. А сейчас он меня больше не интересует, а семья его – еще меньше.

За номером шестым числится у нас Сухов Петр Альбертович. Директор завода, а точнее сказать – заводища, в свое время производившего танки, потом, в смутные времена, производившего танки, сейчас производящего танки и в будущем намеренного производить именно танки, а никак не инвалидные коляски. Пятьдесят два года. Оборонщик с молодых ногтей. Хорошо известен на мировом рынке вооружений. До сей поры в политике не участвовал. Почему пришел в партию? Да потому, что заинтересован в развитии отрасли; если партия сделает по-своему – такие откроются рынки,

такие перспективы!

И вот все о нем.

Вот уже и половина моего списка просмотрена. Ни одной женщины. И не будет, кстати. Планы и намерения партии особой поддержкой у женщин вряд ли пользуются. По весьма понятным причинам. Это, конечно, создает некоторые трудности. Но вся кампания еще впереди. Поработать придется немало.

Что же дальше? Дальше – Долинский Кирилл Максимович, философ, членкор РАН. Представляет науку, на которую в последние десятилетия ни у одного правительства – так уж повелось, – денег не хватало. Как не хватало и почти на все остальное. Однако о науке разговор особый: если, скажем, за бугор утекают танцовщики (как было модно в свое время), то это бьет, конечно, по престижу державы – ну и еще по интересам немногих балетоманов; немногих – потому что их и на самом деле немного, таких, кто действительно любит балет и разбирается в нем, а не просто восклицает: «Ах, балет, ах, Большой!» – чтобы заронить в окружающих мысль, что и он не лаптем щи хлебает, но всю культуру превзошел. Что же касается науки, то тут страдает не одно лишь чувство здорового патриотизма: утекают-то не просто люди, но идеи, а следовательно – разработки, а следовательно – патенты, то есть в конечном итоге – те витамины, без которых хиреет экономика и начинают подкашиваться ноги у обороноспособности. Чтобы вернуть исчезнувших голово-

ногих на круги своя, им надо обеспечить не только заработок (хотя и это весьма немаловажно), не только тот уровень жизни, каким они пользуются на новом месте жительства, но и условия для работы не только не худшие, чем там – немного найдется охотников менять шило на швайку, – но просто значительно лучшие. Строить институты, лаборатории, ускорители, телескопы – много чего; а это – большие деньги. Вот ученые мужи и стали поглядывать в сторону новой партии, которая сейчас представляется им единицей со множеством нулей справа; интересно, что так оно, в общем, и есть на самом деле, а точнее – еще не есть, но обязательно будет в случае, если партия свое дело сделает. Правда, другие тоже обещают деньги, все обещают деньги всем, но никто, кроме этой возникающей партии, не может ткнуть пальцем и сказать: вот они, денюжки, видите? Вот тут они лежат, ими можно полюбоваться, даже осторожно потрогать пальчиком, можно попросить, чтобы их на ваших глазах пересчитали и пропустили через машинку, чтобы убедиться, что купюры не из ксерокса; и мало того: эти «живые» деньги можно получить в распоряжение своих отечественных банков, их можно просить у правительства – и оно даст, потому что денег столько, что даже родное государство всего не разворует, что-то останется и на дело. А для того чтобы подобная райская жизнь наступила в действительности, надо сделать сущие пустяки: добиться выполнения одного условия. Потому что деньги приплывут не сами собой, их привезет один чело-

век. Нужно только, чтобы человека этого не отвергли. Вот и пусть приходит. В России кто только не находился у власти; всех она, родимая, пережила – даст Бог, и при этом конец света не наступит, наоборот – настоящая жизнь начнется, и уже мы будем высматривать во всех уголках планеты: а не засветился ли там какой-то новый талант; и если загорелся – навестить его с готовым контрактом: приезжайте, работайте, вот это ваш институт, а это – дом, а это – все остальное, чего вам захочется, и еще сорок бочек арестантов...

Вот так – или в этом роде – мечтает, наверное, профессор, доктор и член-корреспондент отечественной академии (и еще нескольких зарубежных) Кирилл Максимович Долинский, закончив свой рабочий день и направляясь к станции метро – потому что машина захромала, а со средствами на ремонт в данное время туговато. Ну что же: правильно мечтает. Есть мнение – одобрить. Пусть положит на чашу весов многотонное мнение научного мира.

Что же касается моих специфических интересов, то с их точки зрения профессор Долинский – пустое место. Просто не существует его. И это весьма приятно. Не существует его хотя бы потому, что совсем недавно перенес он серьезную автокатастрофу, при которой жена его погибла, а сам он и его взрослый сын весьма серьезно пострадали, так что из клиники он выписан всего лишь месяц тому назад. Из чего и следует, что к строевой службе – негоден. Аминь.

Восьмым номером проходит у нас в инвентарной ведо-

мости отец протоиерей Николай Афанасьевич Троицкий. За колючий характер и многие несогласия с Патриархией лишен прихода, но не сана, так что (во всяком случае, судя по изображению, в эту секунду возникшему на моем маленьком дисплее) носит по-прежнему рясу, на груди – массивный наперсный крест. Красивая борода и пронзительный взгляд. Это, пожалуй, самый интересный из отцов-партократов, потому что единственный, у кого с возникающей партией имеются – обязательно должны быть – разногласия принципиальные, а не какие-нибудь тактические или терминологические. И все-таки – вот он, здесь, в списке. Ну что же: на него придется обратить внимание. Запустить зонд поглубже. Конечно, и до разговора с ним можно построить определенную схему рассуждений и выводов, приведших его на Программный съезд. Но лучше не тратьте зря времени, а обождать до личной встречи. Думаю, он и сам рад будет возможности громко и ясно сформулировать свои мысли и намерения, потому что в отличие от большинства прочих он не представляет ни своей профессии, ни даже какого-то круга единомышленников; в то же время что-то у него за душой имеется: чтобы попасть в число руководителей, нужен или крепкий тыл, или тугой кошелек, или... или еще что-то. Ну что же: может быть, это «что-то» у него как раз и есть? Интересно. Кстати, проинтраскопировать его и по линии отношений со службой. У православного духовенства это давняя болезнь – может быть, и сей не без греха.

Так-с. Ну а дальше? Эге-ге! Просто глазам своим не верю: Седов Игорь Борисович, он же Ицхак Липсис. Воистину – ряд волшебных изменений... Постой, а каким, к черту, образом он попал в этот список? Среди учредителей партии не может быть иностранцев...

Впрочем, недоумевал я не более секунды; стоило хоть немного задуматься – и все стало ясным. Изя восстановил российское гражданство в полном соответствии с реанимированным законом и, снова оказавшись в Москве, может участвовать в любой политической акции. В учреждении партии в том числе.

Логика в этом столь же мало, как и в предыдущем случае, с отцом протоиереем. Однако это политика уже на том уровне, на котором формальная логика не применяется, когда приходится прибегать к диалектике. Нет, не зря возникли у меня мысли...

Каков фрукт, однако: ни словечком не намекнул.

О'кей. Теперь кто у нас? Лепилин. Просто и без затей: Иван Петрович. Кем же изволит быть Иван Петрович? О! Не жук накакал. Глава Совета директоров промышленно-финансовой группы «Финэра». Наслышаны. Группа, надо сказать, не только в России известная; считаются с ней во всех четырех полушариях: Восточном, Западном, Северном и Южном. Вот оно как. Чего же им-то нужно? Их как раз цели партии никак не должны устраивать, потому что уже сейчас можно сказать: деньги, которые придут в Россию, пройдут

мимо них. Тому есть миллион и одна причина. Неужели они рассчитывают переломить судьбу, привязать партию к себе? Интересно... Это если он представляет группу. Но на этот счет нет никаких доказательств; одни вопросительные знаки. А может быть, он играет за свои полвиста?

Есть повод для размышлений.

Кто тут у нас остался? Ну, два представителя анклавов – татарского и башкирского; этих я даже просматривать не стану, поскольку и младенцу будет понятно: с ними все в порядке. Служба за них наверняка поручилась бы. Это очень приятно знать, потому хотя бы, что если бы в этой шараге не было никого от службы, то это было бы противоестественно, и следовало ожидать какого-то подвоха; но они были. Разумеется, нигде не сказано, что они – единственные, напротив, я был совершенно уверен, что еще человека два-три из перечисленных будут исправно информировать учреждение о ходе событий, но это уже детали.

Вот так складываются дела. Все главные участники завтрашнего торжества, как видите, известны. Более или менее ясны и причины, побудившие каждого из них ввязаться в сложную, но многообещающую игру. Не установлено пока только одно.

А именно: не установлено, кто из этих людей будет руководить – а может быть, и собственноручно выполнять убийство человека, которому ходом событий предназначено стать российским государем. Не Алексея. А совсем другого. А

именно – того, обеспечить избрание которого на престол и должен будет Евразийский Союз.

Убийство, предотвратить которое должен – так повернулось дело – вовсе для других целей срочно вызванный в Москву специалист по редактированию политических статей; иными словами, ваш покорный слуга.

Да, кто-то решил играть по крупному.

Хорошо, но ведь это лишь один из возможных вариантов. Есть Реан, или другое место, есть Путь, есть Зал... Ну и, конечно, Встреча с достойными. То есть самое малое четыре разных возможности, и Встреча – лишь одна из них.

Проверка этой версии – самая трудоемкая. Поэтому и начать придется с нее.

Да, кто-то играет...

Впрочем – сказано в суре семнадцатой, айяте шестьдесят седьмом: «Нет, поистине, у тебя власти над Моими рабами, – и довольно в твоём Господе блюстителя».

Но этим повестка дня еще не исчерпалась.

Еще один звонок.

– Реанимация.

– Доктор Ффауст. Как самочувствие пациента?

– Чувствует себя хорошо.

– Имеется предупреждение: приближается магнитная буря. Прошу принять необходимые меры.

– Когда ожидается?

– Готовность ноль.

– Принято. Как ваши дела, доктор?

– Просьба остается в силе. Жду с утра. Доставьте аспирин.

На этом заканчиваю.

– Доброго вам здоровья.

Доброго мне здоровья. Иншалла.

Глава третья

1

Старый друг моего деда Вернер Францль в свое время говорил, что возвращаться туда, где тебя не ждут, свойственно либо людям крайне самонадеянным, либо весьма тупым; ему же принадлежит и другая мысль, не менее глубокая: предаваться воспоминаниям могут лишь те, кто более не способен ни на какое продуктивное действие.

Услышав это в пору моего детства, я сразу же согласился: в то время я был более чем уверен, что меня ждут везде и всегда, что же касается воспоминаний, то у меня их еще просто не было.

Сейчас, близясь к возрасту, в каком люди переходят на пенсионный образ жизни, я не разуверился в справедливости названных истин; и тем не менее, не будучи ни самонадеянным, ни неспособным на действия, я учинил вдруг и то, и другое: возвратился туда, где многие мне вряд ли обрадуются, поскольку они меня не ждали и не звали; так что я при-был вроде бы незванным – хотя и сказано в суре «Свет», ай-яте двадцать восьмом: «Не входите в дома, кроме ваших домов, пока не спросите позволения». Но я все еще считал, что мой дом здесь – хотя и с оговорками. А что касается мнения

других, то я позволил себе роскошь об этом не думать – до поры, до времени. И напрасно: чуть не получил пулю. При чем не было никакой гарантии, что в следующий раз мне не придется познакомиться с ней поближе.

* * *

Утром я проснулся в хорошем настроении, хотя и чувствовал себя несколько растерянным: не часто за все последние годы выдавались такие дни, когда мне предстояло после долгой разлуки встретиться с женщиной, к которой я был, как уже говорилось, весьма равнодушен – чему имелось вещественное доказательство; если только человека можно назвать вещью. Думать о предстоящей встрече было приятно, мысли эти как бы если и не возвращали в молодость, то приближали к ней. Хотя, попытавшись поглубже забраться в самого себя, я вдруг обнаружил, что никакого внутреннего трепета при мысли о свидании, вообще об Ольге я почему-то не испытываю, а ведь должен, казалось бы. Может быть, впрочем, чувство – дело наживное, в особенности, если оно когда-то имелось, и речь идет только о его восстановлении.

Все эти мысли вместо того, чтобы привести меня в рабочее состояние, заставили излишне взволноваться. И я не успел еще как следует сообразить, что делаю, как рука моя, как бы действуя совершенно самостоятельно, протянулась,

сняла трубку телефона и стала тыкать пальцем в кнопки. И ведь знала, какие именно нужны, скотина пятипалая! Набрала, естественно, номер Ольги.

Мне не ответили.

И во второй раз. В третий тоже.

Это женщины. И одна, и другая. Когда они нужны, их, конечно, не бывает на месте.

Оставалось лишь одно: вести себя так, словно ничего такого, что может выбить меня из спокойного рабочего состояния, не произошло, не происходит и вообще никогда не произойдет.

Иншалла.

Я позвонил вниз, заказал завтрак, лениво побрился, учинил себе контрастный душ, медленно оделся по-домашнему, получая немалое наслаждение от этой нарочитой неторопливости, но не забывая и время от времени поглядывать на часы; это рефлекс. Потом в дверь деликатно постучали. Вернее всего, то был официант, однако я на всякий случай, прежде чем пригласить войти, приготовился к возможным неожиданностям. Оружия у меня не было, но я все равно не чувствовал себя беспомощным: не зря же я прожил все свои годы, в конце концов. Заняв удобную позицию, я откликнулся на повторный стук.

Однако то был и на самом деле официант. Зайдя и не увидев никого, он слегка растерялся; однако последующие его

действия успокоили меня (он не стал вытаскивать пистолет, а на сервировочной колеснице, под салфеткой, не угадывалось оружие), и я показался ему. Он сдернул салфетку, глазами спросил – налить ли кофе, я кивнул. Судя по запаху, кофе был не из худших сортов, и не растворимый, разумеется. Я подписал ему счет с полагающимися чаевыми; он тем не менее не заторопился к выходу, и я снова насторожился.

– Вообще-то по утрам полезнее чай, – поделился он опытом.

– Чай я пью в пять часов, – ответил я.

Он кивнул, словно и не ожидал другого ответа.

– Могу сразу принять заказ, – предложил он.

– Надо шесть раз подумать.

«Чай» и «заказ» были паролем; «пять» и «шесть» – отзывом.

– Не желаете ли выбрать?

Он протянул мне карточку меню, объемом смахивавшую на годовой отчет серьезного банка; да и по проставленным суммам тоже. Я раскрыл. Пролистал. На карте напитков лежал клочок бумаги, не предусмотренный ресторанными правилами. Там было указано место и время. Я кинул взгляд на часы.

– Я передумал, – сказал я. – Пообедаю в городе.

Он изящно поклонился и исчез, увлакивая за собой столик.

Прощайте, мечты о бездельном дне, – подумал я, отпи-

вая кофе без ожидаемого удовольствия. – Хочешь не хочешь, придется пускаться в путь...

Но прежде – элементарный расчет времени. Поскольку все мои предварительные планы после сообщенного мне вчера изменения программы полетели псу под хвост, приходилось все просчитывать заново. Выходить нужно сейчас же. Конечно, соответствующим образом приспособив свой облик к обстоятельствам. Зайти по адресу, рекомендованному мне вчера щедрым заказчиком серии статей. Взять там обещанное. При этом сохранить достаточно времени для того, чтобы без малейшего опоздания прибыть на место встречи с Ольгой, именно – на первый слева перрон Казанского вокзала. Оттуда я в свое время провожал ее в Екатеринбург, и вдруг (когда ей нечем оказалось записать телефон дачи, на которой я собирался погостить недели две) широким жестом отдал ей мою любимую ручку – двухсотпятидесятидолларовый «Паркер», единственную тогда сколько-нибудь ценную мою вещь. Метаморфоза старика в нормального мужчину средних с хвостиком лет произойдет в вокзальном туалете; покажись я ей в таком виде, чего доброго, испугается до смерти – или завизжит от смеха, но так или иначе привлечет к нам чье-нибудь внимание. Серьезно поговорить с ней – о ней, обо мне и о нашей (вопреки общепринятому мнению) дочери. Это может занять – включая возможный обед – три часа, больше я себе не смогу позволить. Затем – по результатам: то ли проводить ее до дома, то ли не провожать.

Затем у меня в обновленной программе – проверка положения дел в Реанимации: как там ведут себя наши так называемые санитары, сестры и прочие клистирных дел мастера. Но это – лишь после очередного тура по городу и сброса предполагаемых хвостов. И уже после этого – в отель: читать то, что получу сегодня (материалы, судя по вчерашним намекам, обещали быть вовсе небезынтересными), а прочитав – садиться за первую из цикла статей. Первую надо было написать обязательно, чтобы доверие ко мне со стороны работодателя укрепилось, а моя журналистская репутация выросла.

Вот таким насыщенным будет день. Если Аллах захочет.

2

Отель я покинул через служебный выход. Шел мелкими шагами, подволакивая ногу и налегая на массивную трость, старику за семьдесят пять такая трость столь же пристала, как и аккуратно подстриженная седая бородка и длинные, того же цвета локоны, выбивающиеся из-под шляпы, а также старомодные зеркальные очки в широкой пластмассовой оправе. Одевание дедушки более всего смахивало на старинный местечковый лапсердак, на ногах, невзирая на теплую погоду, реликтовый старец имел войлочные ботинки, известные в былые времена под названием «Прощай, молодость».

Неуверенно-фланирующей походкой первобытный москвич добрался до «Киевской», там попетлял по переходам; но меня вроде бы предоставили самому себе. Старику Веберу вдруг представилось, что сейчас я могу, ничего не опасаясь, вспомнить город, побродить пешком в свое удовольствие, заглядывая в магазины и даже на рынки, потолкаться в метро, а то и в автобусе, послушать, о чем говорят на улицах и как; насколько за минувшие годы успел измениться слэнг и выросло ли – или, напротив, уменьшилось – употребление мата: по делу и просто так. Посмотреть, как улыбаются, и улыбаются ли вообще люди друг другу; много ли курят вне дома, и, разумеется, – пьют; вообще это была бы очень инте-

ресная прогулка, полезная и поучительная – тем более потому, что перспектива могла повернуться и таким боком, что в Германию я, быть может, вернусь только за своими вещами, а возможно, что и их мне просто привезут. Все могло случиться в ближайшем будущем. Как сказано в суре «Гром», айяте двадцать шестом: «Аллах делает широким удел тому, кому пожелает».

Однако стоило мне покинуть номер, как в моей намозоленной голове снова зашевелились мысли о вчерашнем выстреле; на этот раз меня заняла новая гипотеза: нападение могло и не быть запланировано заранее (в таком случае его подготовили бы лучше), но было сорганизовано на скорую руку – уже в то время, когда я находился на приеме и каким-то своим действием вызвал подобную реакцию. Каким же? По моим прикидкам, выстрел мог быть ответом лишь на один из моих разговоров: с шейхом Абу Мансуром либо с заказчиком Стирлингом – для простоты я решил именовать его так, как он захотел, хотя в прошлый раз он был Гелдринг; видимо, за минувшее время его ценность значительно упала. Это означало, между прочим, что не только рандеву с Ольгой, но и встреча, на которую я сейчас направлялся, могла оказаться небезопасной – если тут был как-то замешан Стирлинг, то меня даже не стоило выслеживать; хватило бы терпения просто подождать. Если же Стирлинг ни при чем, то тем, кто стремился помешать мне, а через меня и многим другим, достаточно было бы узнать место и время. Не

очень просто, но выполнимо, и для специалистов это не могло стать препятствием. Так что имело смысл поостеречься.

Указанный мне магазинчик я отыскал без труда; лавка, где торговали антиквариатом, приютилась недалеко от Балтийского вокзала. Прежде чем войти, я присел в расположенном неподалеку, прямо напротив вокзала скверике, чтобы понаблюдать за входной дверью (именно с этой целью я приехал на полчаса раньше назначенного времени). Старичкам свойственно в хорошую погоду сидеть в сквериках и читать газеты; так было и так будет. Газета была у меня с собой; английская, правда, ну и что с того? Одним глазом я смотрел в газету, другим – боковым зрением – ухитрялся (помогали зеркальные очки) приглядывать за дверью.

Газета была, как газета. Глаз бегло скользил по заголовкам.

«Новости торговой войны: японский парламент проголосовал против законопроекта, предусматривавшего строительство на Хонсю сборочного завода GM. Президент Робинсон предупредил, что всякий ввоз автомобилей и электроники японского производства может быть запрещен в ответ на эту явно недружественную акцию юго-западного соседа США. Министр торговли Бразилии Перейру заявил, что, по его мнению, происшедшее никак не повлияет на благоприятное развитие отношений между Дальневосточным Торговым Союзом и государствами Латинской Амери-

ки. Правоохранительные службы США не справляются с новой волной нелегальной иммиграции, прежде всего из стран Центральной и Южной Америки; в минувшем году число их по неофициальным данным достигло трех с половиной миллионов человек».

Ну это, как говорится, вчерашнее жаркое. Нас непосредственно не задевает. Вот Европу – несомненно, и весьма основательно. Она все старается хоть как-то утихомирить дальневосточную мафию, от которой Еврозапад уже с трудом дышит. Еще не так давно им мерещилось, что можно наконец реализовать сформулированное некогда Блоком: превратить нас в «щит меж двух враждебных рас монголов и Европы» – не пуская дальше прихожей, где даже прибалтам уже казалось тесновато. Но не зря мы искали выход из холопства – и нашли вовсе не там, где Западу хотелось бы. Так что Дальний Восток нас сегодня не очень-то турбует – тьфу, черт, волнует, разумеется, вот как будет правильно по-русски. Не волнует, да, не тревожит, не беспокоит. Хотя если наши – то есть, я имею в виду, российские – дельцы подсуетятся, то сумеют основательно сбить цены на японскую продукцию, которую Россия все еще закупает. Ну-с, а дальше?

«Правящие круги Балтийских государств крайне нервозно восприняли известие о передислокации Тридцатой армии Российских Вооруженных Сил из Северокавказского военного округа к западным границам Свободно присоединившейся республики Беларусь...»

Ничего удивительного. Тридцатая армия, по сути, – одни мусульмане. Вояки, как известно, суровые. Так что кое у кого штаны явно потяжелели.

«Генеральный секретарь НАТО Морис Жоли в ответ на запросы представителей Прибалтийских стран заявил, что вполне удовлетворен заявлением Российского военного министра г-на Серова о том, что перемещение Тридцатой армии произведено в полном соответствии с планом боевой подготовки десантных войск и не преследует никаких иных целей, кроме учебных».

Ну и правильно, что удовлетворен. И прибалты могут быть совершенно спокойны. До референдума, во всяком случае. То есть еще самое малое месяц. Референдум должен состояться за неделю до даты Столетия Победы.

Так-с. Что еще любопытного мы тут найдем?

«Новости террора. «Боинг-787» авиакомпании «ЕА» с тремястами семнадцатью пассажирами на борту, совершавший рейс из Александрии в Кейптаун, захвачен в воздухе группой исламских террористов, после чего изменил курс; исчез из поля зрения локаторов над Центральной Африкой. Нынешнее местонахождение его неизвестно. Ответственность за угон самолета до сих пор не взяла на себя ни одна террористическая организация».

Терроризм, да. Неорганизованный, никем по сей день не управляемый. Но, пожалуй, недолго уже им осталось... Хотя, строго говоря, велика ли разница между террористами и

войсками быстрого реагирования? Такая же, пожалуй, как между шпионами и разведчиками: вопрос принадлежности – и только.

Еще что-нибудь интересное?..

Я пробежал взглядом еще пару сообщений. «Генерал Силантьев встретился с президентом России. Тема беседы: взгляды генерала на передачу власти предстоящей монархии». Ну, эти взгляды давно и хорошо известны. «Опасный груз на караванных путях» – о переброске в Казахстан тяжелого оружия. Откуда? Не установлено, «откуда-то с юга». То есть оказывается психическое давление на избирателей. Только на тамошних или прежде всего на наших?.. «Президент Соединенных Штатов выказал озабоченность переговорами российского концерна «Нефтегаз» с магнатами Аравийского полуострова». Эка спохватился. «Нужны ли Москве две новые мечети? Мэр столицы считает, что никто не вправе ограничивать религиозные потребности населения». Ну а как же он еще может считать? «Восточноевропейские страны весьма озабочены падением курса их национальных валют». А чего еще могут ждать валюты, основанные на долларе? Слоном падает – и моськи, естественно, вместе с ним. Давно пора было переходить на евро. Хотя растут сейчас прежде всего деньги, соотносимые с динаром. Спасибо за несколько привядшую уже информацию.

Одним словом – ничего нового, интересного. Ну а где же референдум, где же предстоящее Избрание?

Ага, вот: на второй полосе всего лишь. Чтобы, значит, не слишком бросалось в глаза. Повыше – снова о терроре; но на этот раз не в воздухе, а на море – в Индийском океане неизвестными захвачен сухогруз «Аннелиза», плавающий под панамским флагом и перевозивший, возможно, оружие, закупленное правительством Малайзии в России. Судно изменило курс на норд-вест. В случае попыток освободить «Аннелизу» захватчики угрожают пустить ее ко дну вместе с экипажем и лицами, сопровождающими груз...

Ну-с? Я сложил газету, сунул в карман, заголовком наружу. Что же происходит с нашей лавкой? Время прошло, пора нанести визит.

Все выглядело спокойно. Я вошел за минуту до того, как магазин должен был закрыться на обед.

– Закрываем, закрываем, – нараспев провозгласил джентльмен почтенного возраста, составлявший, похоже, весь персонал коммерческого предприятия. В следующую секунду, быстрым взглядом оценив не столько мою нелепую внешность, сколько заголовок торчавшей из кармана газеты Daily News, он перешел на другой язык:

– I'm sorry, the shop is closed for lunch. After one hour, please, sir.

– За произношение вас не похвалили бы в пяти случаях из шести, – сказал я в ответ. – А за словоупотребление и подавно.

Он прищурился:

– У меня уже чай кипит. – Он кивнул в направлении двери, ведущей, похоже, в подсобку. – Простите, а костюмчикшили на заказ? У кого, если можно поинтересоваться?

Похоже, ехидства ему было не занимать.

Я быстро прошел в подсобку. Там было тесно. Если бы кто-нибудь хотел спрятаться, ему это вряд ли удалось бы. Старик вошел вслед.

– Ну что же, раз вы такой настойчивый... Так что вас, собственно, интересует?

– Дела давно минувших дней, – сказал я, как было условлено.

– Гм... Не уверен, смогу ли вам помочь.

– Если не вы, то кто же?

– Кто рекомендовал вам мой магазин?

– Очень серьезный человек.

– И он дал понять, чем я могу вам способствовать?

Эта церемония начала уже надоедать мне.

– Известной вам записью.

– М-да, м-да. Возможно, конечно... Но это дорогой товар.

– За который вам уже уплачено, не так ли?

Он поднял плечи:

– В каком-то смысле безусловно... Однако всегда возникают неожиданные траты...

– Я оплачу их – в пределах разумного. Но прежде хочу знать, что покупаю.

– Это длинный разговор.

– У меня есть время.

Похоже, оценив мой возраст в нынешнем гриме, он не очень-то поверил в мой оптимизм. Судил по себе самому скорее всего.

– У вас есть и еще что-нибудь, наверное? – Старик прищурил один глаз. – Скажем, пишущий блок, совсем крохотный, а? Вы будете слушать, он – писать, а потом окажется, что раздумали покупать, поскольку текст у вас уже есть.

– Я покупаю не только текст. Мне нужен документ. Не копия записи: она не явится доказательством. Сама запись. Копию можете не предлагать. Нужна лента, которая сможет при надобности выдержать любой анализ на подлинность. А что касается ваших опасений – у вас наверняка найдется аппаратура, достаточно хорошо защищенная от пиратства.

Старик усмехнулся:

– Как раз об этом я хотел вас предупредить. Попытка переписи приведет к стиранию текста. Вам все равно придется оплатить полную стоимость, но товара у вас не будет.

– О'кей, – согласился я. Мне и на самом деле не нужна была даже самая лучшая копия. Наше дело требует оригиналов, потому что на кон ставится сама жизнь, а не ее голограмма.

– Хорошо. Тогда присядьте. Прошу сюда. Вот вам наушники. Когда будете готовы, я включу.

– Сперва я хотел бы видеть кассеты.

– Просто видеть? Что это вам даст?

– Мое дело.

– Вы специалист?

– Разумеется.

– Н-ну что же... Но предупреждаю...

Он вытянул ящик письменного стола, вынул пистолет, показал мне.

– Если попытаетесь отнять товар силой...

Я улыбнулся.

– Я не работаю такими методами. Я журналист, а не гангстер.

Он постоял еще секунду-другую на месте, потом подошел к дверце вмурованного в стену небольшого сейфа.

– Простите. Я вынужден просить вас выйти на минутку.

Он не хотел, чтобы я присутствовал при открывании сейфа. И может быть, даже заглянул в него. Что же – вполне понятная предосторожность.

– Хорошо. Позовете, когда будете готовы.

Я вышел в торговый зал – если можно было назвать так маленькое помещение. Двигаясь вдоль полок, подошел к витрине сбоку, выглянул. Насколько можно было судить при таком поверхностном осмотре, меня никто не ожидал. И все же уходить отсюда придется через черный ход; не может быть, чтобы тут не было запасного выхода, дом старый, начала прошлого века; эти старые дома почему-то неохотно старятся.

– Можете войти! – донеслось из подсобки.

Я вошел.

– Вот они. Смотрите.

Он протянул мне две кассеты – обычные кассеты для магнитофона. Я внимательно осмотрел их. Внешне все было в порядке: на такие именно кассеты писали и тридцать, и пятьдесят лет тому назад; с тех пор успела прийти новая аппаратура, и подобные штучки стали уже редкостью – как квадратные кассеты первых видеомагнитофонов, к примеру.

– Как они к вам попали?

Старик усмехнулся:

– Вы ведь не ожидаете, что я отвечу всерьез? Ну, скажем, шел по улице и увидел – лежат под деревом.

– Для меня это важно. За эти сведения я заплачу дополнительно.

– Тысячу россов?

– Если ответ будет серьезным.

– Я купил их. И недешево.

– У кого?

– Это уже другой вопрос.

– Я готов платить.

– У человека, получившего запись в наследство.

– А точнее?

Старик покачал головой:

– Этого я не сказал бы – даже если бы знал. Так вы будете прослушивать?

– Непременно, – сказал я, вновь уселся и надел наушники.

3

Весьма любопытная оказалась запись. Участники подслушанного разговора, естественно, не называют друг друга по фамилиям, и даже по именам весьма редко: встреча неофициальная, они знают друг друга прекрасно, протокол не ведется. Можно только догадываться о том, кем являлся каждый из собеседников; однако соображения – еще не уверенность. Поэтому всех участников – их шестеро – я обозначил для себя просто номерами – в том порядке, в каком их голоса возникают при воспроизведении записи. Да, собственно, конкретные имена тут ничего и не дали бы; не станем забывать, что разговор происходил почти тридцать лет тому назад, и ни один из собеседников сегодня не выступает как активный политический деятель. Половины из этой шестерки ныне нет в живых; из троих здравствующих один издал уже свои мемуары (крайне небольшим тиражом) и еще один, по слухам, пишет (все это – при условии, что я правильно их идентифицирую), третий же молчит: у него есть основания считать, что на одном из этапов политической игры с ним обошлись нехорошо, после чего он ушел в себя (его-то воспоминания наверняка и окажутся самыми интересными, но скорее всего будут опубликованы лишь после его смерти – если наследники пойдут на это и если им позволят). Итак – только номера.

(Начало записи я пропустил. Там ведется обычный для таких встреч легкий, временами не очень приличный треп. Судя по звуковому фону, действие вообще происходит в бане, чем могут объясниться и некоторые дефекты записи: избыточно влажный воздух. Говорят о том, что кто-то чрезмерно толстеет, у кого-то – новое увлечение, какова была последняя рыбалка, один хвалит свой новый автомобиль, еще один рассказывает о развлечениях, какими была насыщена его недавняя поездка в Лас-Вегас. После этого разговор понемногу приближается ко все более серьезным темам.)

1-й: «Да, все процветают, сучьи дети. Никакая хвороба их не берет. А мы?»

2-й: «Надо потерпеть. Русь всегда была сильна терпением».

1-й: «На терпеливых воду возят».

3-й: «Нет, он прав. Это кажется, что там все в порядке. Однако они зарываются. Слишком уж зарываются. А за этим всегда приходит пора унижения для нации. Придет и для них. И им пережить ее будет очень тяжело, куда тяжелее, чем другим».

4-й: «Что-то больно умственное. До меня не доходит».

3-й: «Нет, все очень просто. В новой истории зарывались Германия с Гитлером, Япония со своими воеводами, мы, грешные, с коммунистами. И вслед за этим всегда шло унижение...»

1-й: «Пока они там унизятся, Русь медным тазом накро-

ется, останется одно воспоминание».

4-й: (тот, что рассказывал о Лас-Вегасе): «Вообще-то не знаю, как оно там будет, но пока что унизительно для нас. Мы нынче даже не третий мир. Мы – никакой мир. Гнусная какая-то жизнь... Вон ту откройте. Нет-нет, ту».

2-й: «Надо перетерпеть».

5-й: «Ну, не вам обоим скулить – с вашими-то деньгами».

4-й: «Все же наше пиво лучше... Я не на свою судьбу жалею. Мне за Россию больно. Да и деньги деньгами, с ними, безусловно, можно везде и все, но только... Там деньги у нас берут, конечно, как у любого другого, но посматривают так... когда думают, что ты не видишь...»

1-й: «А ты хочешь, чтобы на тебя смотрели с горячей любовью?»

4-й: «Их любовь я имел в виду... Но когда-то, говорят, если не любили, то хоть боялись. А нынче – смотрят так, словно от тебя в любую минуту можно ждать чего-то... не страшного, не опасного, но неприличного. Что мы, дикари?»

6-й: «Да нет, мы не дикари. Просто мы для них непонятны».

1-й: «Ага, загадочная русская душа...»

6-й: «Наоборот, никакой загадочности. Нормальная глупость. Отсутствие всякой логики, крайняя непоследовательность. И с их точки зрения, полное отсутствие патриотизма. Сами-то они патриоты...»

2-й: «Это у нас мало патриотизма?»

6-й: «Ну вот, скажем, в твоём хозяйстве есть наверняка информация: сколько денег за последние лет двадцать-тридцать утекло за границу. Они-то, патриоты, конечно, тоже вывозили капитал, но только когда нельзя было его разместить у себя дома. Они строили Америку. И построили. А мы ни... ничего не хотим создавать. Только прибыль. Что делать: идеология давно приучила считать себя интернационалистами. У пролетариата нет Родины...»

3-й: «Это вроде бы и естественно...»

6-й: «Естественно в своей противоестественности. Нет, нас от патриотизма отучили. Но главное не в этом, конечно. Главное в непоследовательности. До сих пор не можем разобраться сами с собой: кто мы в конце концов?»

2-й: «Не очень понятно».

6-й: «Одно из двух. Или мы по-прежнему империя – и тогда надо начинать наконец заниматься собирательством. Либо мы просто Россия – и тогда уже в исторических рамках Москвы, Владимира, Твери. Тогда нечего хватать за штаны всякого, кто косится на выход. Почему Украине можно было, а татарам – нельзя? Или та чеченская эскапада...»

1-й: «Собирательство! Мысль, конечно, заманчивая – если смотреть чисто теоретически. А практически – кого ты на это поднимешь? Страна обнищала. Тут не до наполеоновских походов».

2-й: «Собирательство могло бы, конечно, стать фундаментальной идеей. Чтобы поднять дух. Мы ведь гибнем не от

бедности: от бездуховности мрем. Только воровать – а уворованное пропить. Вот взять да поднять знамя Великой России...»

3-й: «Не поднимем. Некому».

6-й: «Да, чтобы поднять такую идею, нужно Имя. Или – Слово».

3-й: «В каком смысле – слово? Ораторское?»

6-й: «Да нет. В смысле – лозунг. Название того, во имя чего надо заваривать кашу».

4-й: «Православие, например».

6-й: «Слабенько. То, что многие в церковь ходят, вовсе не значит, что они эту церковь грудью закроют в случае необходимости. Ждать не приходится. Такие православные знаешь, когда начали вымирать? После Никоновой реформы, при Алексее Тишайшем. А закончили – сто лет назад. Уже тогда никто, по сути, не встал на защиту. А ведь защищать – морально легче, чем нападать. Потому что защищаешь, как правило, свое, а берешь – непонятно какое, если оно даже когда-то и считалось твоим. Нет, не пойдут за православным крестом».

1-й: «Католики пошли бы, пожалуй».

6-й: «Во всяком случае, больше и скорее, чем наши».

3-й: «И мусульмане».

1-й: «Эти – да».

(Интересно отметить: хронологически – во всяком слу-

чае, судя по моим материалам – это первый случай, когда об исламе было упомянуто в таком вот контексте. Возможно, этот миг и следует считать точкой рождения идеи.)

4-й: «Выходит, Слова у нас нет. Что остается? Ждать, пока Личность придет?»

6-й: «Сидеть и ждать – дождемся ли? Люди мы все не первой молодости...»

3-й: «Что же – взять и нарисовать? Вряд ли получится».

6-й: «Все возможно. Конечно, героев, как говорится, порождает эпоха. Но ведь эпоха – это не просто календарные данные. Это и обстановка, и люди... Например, хотя бы мы с вами. Эпоха рождает Личность, но эпоху создают люди вроде тебя и меня. Сеятели. Чтобы личность выросла, ее надо сперва посеять. И ухаживать...»

1-й: «Унавозить...»

6-й: «Конечно, в таких делах без дерьма не обходится. Но тут уж не до чистоплюйства».

3-й: «Ты это серьезно?»

6-й: «Более чем. Все дело в том, чтобы вовремя понять, какую же Личность мы ждем. Потому что сейчас скорее всего все мы подсознательно ожидаем...»

2-й: «Иисуса Христа».

6-й: «Нет, для мессии сейчас неподходящие времена. Мы ждем не пророка, но государственного реформатора – или, вернее, того, кто объединит в одном лице то и другое».

2-й: «В таком случае Ленина?»»

4-й: «Или генерала Франко, или Пиночета – если оперировать именами прошлого века. Или более современно»... (Звук затухает, видимо, пишущий вынужден отдалиться на несколько мгновений. Сохраняющийся шум можно расшифровать разве что при помощи компьютерного анализа; если понадобится, я когда-нибудь так и сделаю.)

6-й: «... Совершенно иной. Предположим, Петр...»

(На сей раз слышать мешает неожиданный сильный шум – громкое шипение; похоже, кто-то поддает пару.)

3-й: «Я понял, что ты хочешь сказать: нужно одновременно и Слово, и Личность. Так?»»

6-й: «Именно. И это Слово есть: Государь. Государь всея Руси».

5-й: «Это ты загнул».

6-й: «Ничуть. За этим словом могут пойти. А если им будет обозначена сильная личность – успех обеспечен. Потому что в этом слове, пусть и не произнесенное вслух, заключается еще одно понятие – по традиции: император. Значит – Империя. Значит – возврат величия, авторитета, силы...»

1-й: «Мечты, мечты...»

6-й: «Вовсе нет».

1-й: «И только. Да на наших глазах, четырех лет еще не прошло, пытались поднять такой лозунг. И что получилось? Пшик. Даже стрелять не пришлось».

6-й: «Верно. А почему? Потому что попытку предприня-

ли неумехи. Идеалисты. Решили, что достаточно выговорить слово – и все кинутся. Даже не пытались хоть как-то рекламировать идею. Подготовить. Организовать дело. Да вот генерал лучше нас это знает».

3-й: «Верно. Организации не было никакой. Мы их пасли с самого начала, порой просто плакать хотелось, глядя на их конспирацию. Никакого представления о том, как делаются дела. Я беседовал потом кое с кем из них. Им, видите ли, претило учиться у истории – у большевиков. У них одно это слово вызывало нервную сыпь».

4-й: «Необязательно у большевиков. Учиться можно было хотя бы у деловых людей. Простая истина: хочешь продать товар – не скупись на рекламу. А у них рекламы совершенно не было».

3-й: «Денег, кстати, тоже. Серьезных денег. Никто на них не поставил. Именно потому, что заранее просчитывалось: успеха с такими работниками не видать».

6-й: «Все верно. И все же одно дело они сделали. Снова ввели слово в практический обиход».

1-й (с иронией в голосе): «Декабристы разбудили Герцена...»

3-й смеется; у него характерный, легко узнаваемый смех.

1-й: «Что тут смешного?»

3-й: «Нет, я стишок вспомнил из старых архивов: “Какая сука разбудила Ленина, кому мешало, что ребенок спит?..”»

6-й: «Ну на Герцена никто из нас не похож. Но тем не ме-

нее четыре года назад я задумался над этим происшествием. И понял: смысл есть. Нужно только всерьез взяться за дело».

2-й: «Возьмись, возьмись. Наш генерал с тобой впоследствии тоже... побеседует».

3-й: «Зачем же впоследствии? Лучше заблаговременно».

1-й: «Ты что, тоже думаешь, что может получиться?»

3-й: «Почему бы и нет? Такая идея и нас согрела бы».

4-й: «Если бы делом занялись серьезные люди, профессионалы – можно было бы найти и деньги. Сколько понадобится».

6-й: «Вот в этом я не уверен. То есть для начала денег дадут, не сомневаюсь. Но куда больше их понадобится после успеха. Потому что если государь воцарится, от него будут ждать чудес. Быстрых и осязаемых. Обещания всем давно осточертели. И ему придется эти чудеса творить; иначе он окажется царем одностороннего употребления. И скомпрометирует идею. Нет, если государь придет – вот тогда понадобятся настоящие деньги. Такие инвестиции во все отрасли, начиная с космического флота и кончая детскими яслями, какие нам и не снились. По моим прикидкам...»

(Снова речь заглушается посторонними шумами.)

4-й: «...Не достать, даже если, как говорится, жен и детей заложим. Нет, это безнадега».

6-й: «Согласен. И тем не менее деньги такие есть. И нам их могли бы дать. Но, конечно, не за просто так».

4-й: «Кто?»

6-й: «Пожалуй, об этом пока преждевременно. Достаточно знать, что деньги такие на свете существуют, и при везении мы их сможем получить. Очень много. Но для этого надо сперва показать, что дело делается всерьез».

2-й: «Всерьез – значит без спешки. Такой дом надо строить не спеша. Основательно. Рыть котлован, лить фундамент...»

6-й: «Согласен. Тут работы хватит на целое поколение. Может быть, мы лично результатами и не воспользуемся. Годы, даже десятки лет воспитания, или, как раньше говорили, пропаганды и агитации. Все в рамках закона».

3-й: «Агитанда и пропаганда. Обязательно. Потому что только таким способом можно будет вовлечь в эти дела все службы. А без нас, сами понимаете, результат может быть только со знаком минус».

6-й: «Службы – да, само собой. Но не только. Парламент. За три-четыре созыва его можно заполнить нужным образом мыслящими людьми. Хватит с нас авантюристов, бездарных трепачей и хулиганов. Нужны предприниматели. А главное – средние слои. Тут, между прочим, без романтики не обойтись. Потому что молодежь без нее не может. А ведь ей решать в конечном итоге. Молодежи».

5-й: «Все это прелестно. Но только чего ради? По сути дела, вы собираетесь сделать работу за тех самых идеалистов, которые провалились четыре года тому назад. Потому что, предположим, – царь. Значит, по традиции, его тут же обя-

дут эти – дворяне, от которых толку – меньше, чем чуть. И они станут решать вопросы? Нет уж, избавьте. Им это не по зубам».

6-й: «Почему ты вдруг так решил?»

5-й: «Простая логика. Не может же быть, чтобы после воцарения дворяне ничего не получили!»

6-й: «Они и получают. Хотя бы право публично, официально именоваться своими титулами...»

4-й: «Эка прельстил. Им этого мало будет. Они всяких благ потребуют. Хотя бы денег...»

6-й: «Ну, денег вы им дадите в досталь».

4-й: «Это с какой радости?»

6-й: «Жены заставят. А еще больше – дочери. Которым замуж выходить. И смертельно захочется именоваться графинями, баронессами, мало ли кем еще. Они, будь спокоен, из вас повыкачивают миллионы... валютой, я имею в виду».

4-й: «Ну, конечно, в какой-то степени...»

3-й: «Это все пустяки. Возникнут вопросы посерьезнее. И главный: откуда же этот царь возьмется? Из дома Романовых? Или новую династию ставить?»

(После этой реплики некоторое время прослушивается только фон; видимо, вопрос генерала заставил всех призадуматься.)

1-й: «Не уверен насчет Романовых. Сказал ведь неглупый, в общем, человек: история повторяется, как фарс... Скорее уж новая династия. Что-нибудь более современное...»

6-й: «Ну конечно. Вот у тебя есть внучек – способный мальчишка, так?»

1-й: «Ну есть...»

6-й: «И у других есть. А у кого нет – еще обзаведутся. Нет, господа, если не хотим сразу же вцепиться друг другу в горло – давайте эти мысли бросим. И прежде всего потому, что ничей внук не даст Имени. Сколько ни убеждай, что твоя родословная идет от боярина имярек. Только представитель законно царствовавшего дома».

3-й: «Значит, Романовы все же».

6-й: «У них – великое преимущество. Последние сто с лишним лет никто из них в доведении России до ручки не участвовал. Даже в Гражданской войне ни один Романов личного участия не принимал».

3-й: «Так-то оно так. Однако этого маловато. Мы, конечно, как вы догадываетесь, стараемся быть в курсе дела. И, откровенно говоря, этой самой Личности я там не вижу. Ничего не вижу, кроме родословной».

6-й: «Можно подумать, что вы так уж и полностью в курсе дела».

3-й: «Скорее всего так оно и есть».

6-й: «В прошлом веке один писатель сказал: если бы нам удалось заглянуть в родословные...»

3-й: «Ты о чем это?»

6-й: «Ну хотя бы вот о чем: останки цесаревича, Алексея Николаевича, вроде бы так и не обнаружены?»

3-й: «Есть такое мнение. Но есть и другие».

6-й: «А из нескольких мнений можно всегда выбрать то, которое нас больше устраивает».

(Не очень продолжительная пауза.)

3-й: «Ну идея в этом есть».

6-й: «Вот и попробуй ее разработать на досуге. И еще есть повод для размышлений. Для начала кампании всегда нужен повод. И он должен быть убедительным. Если мы подготовимся к выдвижению нашей фундаментальной идеи, то должны будем создать благоприятную обстановку. И это нельзя откладывать надолго».

5-й: «А долго искать и не придется. По обстановке судя, тилингеты вот-вот придут к власти: до выборов остается меньше года, и на этот раз, похоже, им повезет».

4-й: «Надолго ли? Они ведь ни черта не сумеют – только еще хуже сделают. Пауки в банке – это ведь сказано прежде всего об интеллигентском правительстве. Высокая принципиальность их погубит. А вместе с ними и все остальное».

6-й: «Тебя это огорчит?»

4-й: «Черта с два».

2-й: «Придется немного потерпеть – пока они сами не поймут, что ничего сделать не в состоянии. Потому что, насколько я разбираюсь в колбасных обрезках, тогда они попробуют сделать финт ушами – как последнее средство...»

6-й: «Ты о чем?»

3-й: «Ты что, имеешь в виду этот их проект?..»

2-й: «Именно. Тройственный раздел. Проект, надо сказать, теоретически логичный, не придерешься. Но приведет к взрыву. Потому что он-то и будет означать практический конец России как значительного государства. Все кинутся в поисках альтернатив. И вот тут-то...»

6-й: «Прекрасно. Требуется лишь, чтобы все случилось вовремя. Генерал?»

3-й: «Не вижу проблемы. Надо только, чтобы мы были готовы до конца».

6-й: «Постараемся».

4-й: «Выбросим идею на рынок, ладно. А для подстраховки?»

6-й: «Для подстраховки к тому времени должна быть уже конкретная Личность. Еще не для показа, но для того, чтобы дальнейшие действия строить под нее».

2-й: «А у тебя такая есть?»

6-й: «Нет. Но начнем поиск. Будем искать, как будущего далай-ламу ищут. Не в нашем поколении, конечно. И не во втором. Где-то в начале третьего. Которому сейчас, предположим, лет десять. Заранее подготовить биографию. И последовательно вести его по ней. И в смысле образования. И воспитания. Такого, чтобы и в Букингемском дворце чувствовал себя как дома: политес, теннис, гольф, охота, желательна – яхта, конечно – музыка. Лошади. Языки. И разработка, как раньше говорилось, трудового пути. Обкатать на службах; ему и в армии надо будет послужить, в офицерских

чинах – пусть и небольших, и в экономике поднатореть, и желательны какие-то спортивные успехи... Словом, надо эту личность сформировать такой, чтобы людям сразу захотелось пойти за ним. Для этого, кстати говоря, нужна и внешность, соответствующая традициям. Вот тогда у нас будут все шансы. И чтобы смог ни в чем не замараться: уж будьте уверены, все телеканалы и все газеты мира будут его рассматривать на просвет. Не допускать никакой женитьбы – до воцарения. Ну и так далее».

2-й: «Это ты не своего ли младшего имеешь в виду? По моему, ему сейчас как раз десять».

6-й: «Типун тебе на язык. Я от него отказываться не собираюсь, а ведь пришлось бы. И мать не согласилась бы. Да и потом – своим детям я желаю спокойной жизни. А у этого, пока неизвестного, может быть что угодно – но покоя ему не видать...»

4-й: «А может, чем черт не шутит, – и правда поищем, и найдем подлинного Романова – по той самой линии, от Алексея Николаевича. Мог же выжить...»

3-й: «Будем искать и в этом направлении. Конечно».

2-й: «Все это будет стоить кучу денег – еще до того, как начнут появляться хоть какие-то видимые результаты. Но кто станет вкладывать такие суммы втемную?»

1-й: «Господин чрезвычайный-полномочный, ты говорил...»

6-й: «Да. И если мы тут разговаривали всерьез, то в ско-

ром времени у меня будет возможность неофициально побеседовать на эту тему с не менее серьезными людьми. Думаю, даже очень серьезными».

3-й: «Это не там ли, куда ты должен получить назначение? Под тремя пальцами?»

6-й: «Давайте на этом закончим».

3-й: «Интересная поездка будет».

4-й: «Кстати, о поездках: Татьяна просила узнать...»

(Тут разговор переходит на бытовые темы, нас не интересующие, а вскоре кончается и пленка. Но то, что нас интересовало, мы успели услышать.)

Завершив операцию купли-продажи, я попрощался с антикваром, вышел, как и собирался, через черный ход, пересек переулок и перед тем, как нырнуть в метро, задержался возле мусорной урны, куда переправил не нужную более газету и заодно обзрел прилегающее к станции пространство. Ничего существенного не заметил. Нагло продефилировал мимо контролера, даже не пытаясь предъявить пенсионную книжку: облик убедительно свидетельствовал о моем возрасте. Внизу меня не поджидали никакие приключения; либо меня не пасли, либо вели сугубые профессионалы наружного наблюдения. И уже через несколько минут я, посетив согласно замыслу туалет, где вернул себе нормальный облик, спокойно вышел на поверхность под длинной, лет двадцать тому построенной, традиционно выгнутой горбом стеклянной крышей – в непосредственной близости от перронов и свернул налево, к крайнему.

До назначенного времени оставалось еще восемь минут, и я неторопливо шел вдоль длинного и, похоже, вконец опустевшего состава; Пекинский скорый прибыл с четверть часа тому назад и пассажиры успели уже схлынуть, поездная команда занялась, видимо, наведением порядка в купе, чтобы сэкономить время в отстойнике. Так что заметить любого, кто возникнет на этом перроне, было бы легче легкого, даже

не оборачиваясь, а просто пользуясь зеркальными очками. Состав заслонял от меня все остальные перроны – но и меня от возможных взглядов оттуда. Я дошел до последнего вагона, так никого и не заметив. Значит, удалось прийти чистым.

Назад я шел еще медленнее. И когда поравнялся с третьим от конца спальным, далеко впереди, у электровоза, появилась женщина, остановилась на мгновение и быстро, решительно двинулась ко мне.

Чем ближе мы подходили друг к другу, тем менее уверенными становились мои шаги. Я ждал Ольгу. Но эта женщина, решил я, совершенно не имела с ней ничего общего.

Она была, по-моему, пониже ростом, чем та, кого я жаждал увидеть и обнять. Если Ольга всегда выделялась среди прочих стройной, гибкой фигурой, легкой походкой (мы тогда звали ее «балериной»), то сейчас даже облекавший ее просторный балахон не мог до конца скрыть ее отвислый живот, что же касается походки, то она просто ковыляла, хотя и без трости, вроде моей (моя, уже развинченная пополам, вместе с прочими элементами маскарада лежала сейчас в боксе камеры хранения), переваливалась на ходу как утка. Конечно, человек способен преобразиться – если требует дело – до полной неузнаваемости. Но для этого надо быть профессионалом – или хотя бы пользоваться услугами квалифицированных костюмера и гримера. Прежде всего гримера – потому что и черты лица ее сперва показались мне чужими. По всем правилам, мне нужно было круто повер-

нуться и быстро уходить: вместо Ольги мне явно подсунули кого-то – может быть, даже переодетого женщиной киллера, и он уже через несколько секунд окажется на дистанции неприцельного, через карман, выстрела, я же был безоружен. Но какая-то сила заставляла меня идти и идти вперед – до того самого мгновения, когда мы остановились, едва не столкнувшись, лицом к лицу. И она сказала:

– Здравствуй, Вит. Я очень рада...

Она сказала это голосом Ольги.

В последующие две секунды я понял, каково приходится реставраторам, тщательно и медленно, сантиметр за сантиметром расчищающим от слоев копоти, грязи и чужих мазков подлинный лик, постепенно освобождающийся для того, чтобы можно было увидеть его первозданную красоту. Это тяжкий труд – в особенности, если на него отпущены считанные миги. И мне не удалось бы справиться с этой работой, если бы не ее глаза – конечно, уже не такие искрящиеся, как в наши времена, но по-прежнему безошибочно узнаваемые, заявляющие громко и неоспоримо: это я, взгляни же, это я!..

Это и на самом деле была она.

Видимо, по моим глазам Ольга поняла, что я ее узнал. И улыбнулась извиняющеся:

– Видишь, Вит, какая я? На вокзале – там, на Европейском – я прошла мимо, но ты не узнал...

Мне оставалось лишь опустить голову.

– Зато он узнал, – продолжала она. – И мне пришлось по-

быстрее уйти. Потому что он... – Она запнулась.

– Кто – он? – спросил я негромко, но требовательно.

Она вдохнула, чтобы ответить. Но вместо слов я услышал легкий стон. И Ольга начала медленно оседать к моим ногам.

В первый миг я не понял. Решил, что сердце. Подхватил ее, но не смог удержать сразу: она оказалась страшно тяжелой, воспоминания были куда легче. Откуда-то, как мне подумалось, из-под плаща высочилась тоненькая струйка крови. Похоже, что пуля – если то была пуля – осталась в теле. Выстрела я не слышал. Но, еще не успев разогнуться, понял, что второго выстрела я могу не услышать по совершенно другой причине.

К счастью, дверь вагона, напротив которой мы остановились, оказалась хотя и закрытой, но не запертой на трехгранку. Я распахнул ее. Проводник находился, видимо, в служебном купе – или отлучился к соседу или бригадиру. Я втащил Ольгу на площадку. Захлопнул дверь. Волоча ногами по гулкому полу – коврик был уже снят, – добрался до первого же купе. Напрягаясь, приподнял ее и уложил на диван; вагон был купейный, и я подсознательно порадовался, что ей будет помягче лежать.

Однако еще через несколько секунд я убедился в том, что Ольге это уже совершенно безразлично. Пуля вошла не в спину, как я подумал вначале, но в затылок.

Я вздохнул. И словно этот звук послужил сигналом, поезд тронулся.

В противоположном конце вагона зазвучали шаги. Вероятно, возвращался проводник. Я решил было задвинуть дверь. Потом понял, что это не нужно. В коридоре наверняка остались следы крови; проводник заметит их и поднимет тревогу – или, во всяком случае, приготовится к неожиданностям. Заметит – потому что пол в коридоре был уже протерт до нашего появления. Мне следовало действовать с опережением. Я встал лицом к двери, на самом пороге, занес над головой сцепленные кисти рук. Поезд набирал скорость. Поравнявшись с дверью нашего купе, проводник начал поворачивать голову. Я шагнул вперед и нанес удар. Бедняга вырубился без звука.

Возиться с ним я не стал. Мне нужно было в считанные секунды решить, как действовать дальше. Хотя думать тут, собственно, было не о чем.

Ольга была мертва. И хотя очень нехорошо было по отношению к ней – к ее телу, к памяти о ней – оставить ее вот так, другого выхода я просто не видел. Меньше всего сейчас мне нужно было затевать знакомство с милицией и доказывать, что к убийству ее я не имею отношения – во всяком случае, как инициатор или исполнитель. Я подставил ее под пулю – да, это скорее всего так и было. Потому что, кроме прочего, убить хотели наверняка не ее: в таком случае любой специалист стрелял бы в спину, а не в затылок. Тем более издалека; а о том, что выстрел был сделан с немалого расстояния, свидетельствовало то, что пуля была уже на излете и

не прошла навывлет. Это могло значить лишь одно: стреляли в меня, и она находилась между мною и стрелком, оставляя доступной для прицела лишь мою голову. Времени у убийцы было, вероятно, в обрез: иначе он мог бы обождать, пока мы не начнем двигаться, и я не открылся бы целиком. Хотя, может быть, он побоялся, что мы зайдем в вагон? Это можно было предположить: что иное могло бы заставить нас назначить свидание именно на этом месте? То есть сообразить, наверное, можно было, но у них не было времени и на раздумья.

Но для того, чтобы втолковать все это милицейским операм, понадобится, кроме расхода времени, еще и в какой-то мере раскрыться перед ними; а этого сейчас делать никак не следовало. Мои дела были важнее. Тем более что если кто-то и найдет стрелка, то уж не они, во всяком случае.

Сейчас надо было исчезнуть. Обдумать все можно станет и потом.

– Прости, Оля, – сказал я, глядя на нее. – И прощай.

Попрощался, потому что знал: на похоронах ее меня скорее всего не будет. А если и приду, то погляжу издали.

Я вышел на площадку. Отворил дверь. Поезд шел не очень быстро. Конечно, вокруг была никак не пустыня; но если кто-то и заметит, то вряд ли сможет опознать меня. Перед тем как спрыгнуть, я убедился в том, что купленной кассеты со мною нет, что она действительно оставлена мною в боксе, как и все прочее. Так что рисковал я разве что шеей. Я

поднял мостик, спустился на нижнюю подножку и прыгнул так, как когда-то учили: лицом вперед, сильно отталкиваясь против движения. Повезло: даже не упал и вовремя разминулся с мачтой контактного провода. И быстро пошел, чтобы поскорее покинуть полосу отчуждения.

В гостиничный номер я вернулся без особых происшествий в пятом часу дня. По дороге зашел было пообедать, чтобы потом никуда уже не выходить из номера; но из благого намерения ничего не получилось: я смог лишь поковырять вилкой заказанный кусок мяса с жареным луком, но в горло кусок не полез; я и не видел толком, что мне подали, потому что вместо столика перед глазами несмываемым стоп-кадром стояло все то же: асфальт перрона и медленно оседающая на него Ольга, а затем – стеклянная башня нового здания вокзала, куда мгновенно метнулся мой взгляд, привычно определяя директрису выстрела; но там ничего, разумеется, не было заметно. И снова – перрон, и снова – Ольга... От моего прыжка из идущего поезда в памяти почему-то не осталось почти ничего. В конце концов я оттолкнул от себя все съедобное, расплатился и хотел уже встать и топтать восвояси, чтобы воспользоваться плодами нового приобретения. Мне нужно было поработать – не для собственного удовольствия, но чтобы хоть как-то привести в порядок нервы, а также и мысли, сильно разболтавшиеся после того, как умерла Оля. От этого лучше всего излечивает работа.

Но все никак не встать было; однако внезапно все мои лениво-горестные рассуждения исчезли, уступая место совсем другим: оперативно-боевым.

Я понял, что если я и не полный идиот, то, во всяком случае, личность совершенно безответственная. И добро бы это еще касалось только меня!

Я собирался встретиться с Ольгой. А накануне вечером в меня стреляли. Пусть это были не президентские ребята, кто-то другой – выбор предоставлялся достаточно широкий. А если меня подкараулили в темноте и к тому же в месте, где я мог бы и не оказаться, то мог бы сразу сообразить: тут, в отеле, как бы я ни преобразался, за мной приглядывают и будут приглядывать, будут провожать. Так и получилось, по всей вероятности – и таким образом я их вывел на женщину; она не играла никакой роли в наших делах, одноразовая просьба, к тому же почти сразу отмененная, не в счет; но женщина всегда считается слабым местом, точкой давления на мужчину, наживкой, на которую его выманивают... Я надеялся, что если за мной от гостиницы пойдут – то я-то ускользну, хороший газетчик должен уметь внезапно появляться и исчезать, да и вообще скорее всего я еще здесь избавлюсь от их внимания. Но если мой разговор с ней прослушивался, то установить ее адрес для хотя бы и средненького специалиста было делом простым. И они повели ее, чтобы выйти на меня там, где я меньше всего ожидал этого.

То есть – это я ее подставил, и только я.

Вернуть ее я не в силах, и никто другой – тоже. Но разобраться в случившемся обязан.

Еще одно дополнение к планам и диспозициям.

Сказано в суре восемнадцатой, называемой «Пещера», в аяйте семьдесят третьем: «Неужели ты убил чистую душу без отщепенности за душу?» И далее, в восьмьдесят третьем: «Мы укрепили его на земле и дали ему ко всему путь, и пошел он по одному пути».

Значит, дело это от меня не уйдет. Но всему свой черед. И довлеет дневи злоба его.

С такими мыслями вернулся я в свой номер, как уже сказано, без осложнений.

Мне предстояло прежде всего разобраться в истории вопроса, с которым была связана купленная за немалые деньги запись.

После попытки 2013 года, которая осталась в истории с названием «Кефирный путч», мысли о реставрации монархии, казалось, исчезли столь же незаметно, как перед тем возникли. Населению и без того приходилось думать о множестве вещей куда более актуальных. Инфляция, с которой предполагалось покончить еще лет за двадцать до того, продолжала существовать и расти не очень торопливо, зато непреодолимо; она уверенно обгоняла рост доходов. Экономика по-прежнему хромала на обе ноги: промышленность лихорадило, она то как бы взвивалась на дыбы, удивляя мир и, похоже, сама удивляясь великолепным темпам роста продукции, то небольшое время спустя спотыкалась на все че-

тыре: произведенные товары не продавались, поскольку качество их оставалось на уровне советского – значит отличного (как острили в давние времена), отличного от хорошего. Там же, где России действительно было что показать – в производстве вооружений, аэрокосмической промышленности и, наконец, в продуцировании идей, ее или всеми силами старались не выпустить на рынки, или, если это представлялось уж никак невозможным, в игру вступал кто-то из «Великой триады» (как уже называли к тому времени три гигантских финансово-промышленных группы, объединявшие не отдельные компании, но государства: североамериканскую, контролировавшую, впрочем, и южный субматерик; дальневосточную, все увереннее вытягивавшую на свою орбиту и Индию, и, разумеется, европейскую, больше всего на этом зарабатывавшую, поскольку по традиции основные экономические связи России шли через Европу). Вступая в игру, члены Триады – кому первому удавалось – инвестировали не такие уж большие деньги в создание транснациональных (российско-чьих-то еще) компаний – и, пользуясь ими, как насосом, качали прибыль в свою пользу благодаря большому и многогранному опыту в этой области; что касается русских партнеров, то отдельные люди, фигурировавшие в этих компаниях, сколачивали неплохие состояния, которые формировались, правда, отнюдь не в отечественных банках; страна же в целом теряла все больше. Государство пыталось огрызаться; прошло несколько крупных и много-

шумных процессов, успешно вытеснявших из телевизионных программ традиционные бесконечносерийные мыльные оперы (тоже, кстати, главным образом не российского происхождения); обвинители были сокрушающие, защитники – великолепны, судьи – величавы, приговоры – сдержанны; но деньги не возвращались. Именно к тем временам относятся пресловутые «Бунты пенсионеров», которые на самом деле, конечно, бунтами не были, они походили скорее – если пользоваться сравнениями из исторического ряда – на демонстрацию 9 января 1905 года: людей выталкивала на улицу безнадежность. В отличие от тех давних времен в стариков не стреляли и даже не очень разгоняли: ясно было, что – вследствие преклонного возраста и незавидного здоровья – далеко им не уйти и долго не продержаться; так и получалось каждый раз, а всего этих бунтов было четыре. Бессмысленные, они тем не менее способствовали очередной смене власти, когда на место фашистов пришли «тилингеты». Событие, на положение дел в стране (если говорить не о содержании пропаганды, а о вещах реальных) никак не повлиявшее, да и не способное повлиять.

Так обстояло дело к 2017 году...

Прежде чем по-настоящему углубиться в работу – или в отдых, в конце концов бывает трудно отличить одно от другого, – я неспешно обошел свои апартаменты, не постеснялся даже заглянуть под кровать; затем убедился, что дверь на-

дежно заперта изнутри, и прилепил к ней маленькую коробочку сторожа с ревуном – он поднял бы шум при малейшей попытке отпереть замок снаружи даже не отмычкой, а ключом; и в довершение подготовки опустил жалюзи и зажег настольную лампу; дома я еще подумал бы – стоит ли, но тут за электричество я не платил – или все равно платил, так что можно было не экономить. Все эти меры были предприняты потому, что кто-нибудь, не попав накануне в цель в темном переулке, а нынче – на вокзале, вполне мог повторить попытку и среди бела дня – через окно из снайперской винтовки или изнутри – бесшумно войдя через незапертую дверь. Такой возможностью я не мог пренебречь, и вообще эта угроза казалась мне достаточно серьезной; я отлично понимал, что лень ленью, но она никак не удержала бы меня в четырех стенах. А вот нежелание подставлять себя под пулю смогло отбить у меня охоту прогуливаться по городу – во всяком случае, без серьезной необходимости. Только завершив все меры безопасности, я вернулся к делам.

Итак, две тысячи семнадцатый год. Сам я помнил его достаточно смутно, да и трудно было сейчас отличить, где кончались мои собственные впечатления, плавно переходя в почерпнутую впоследствии в материалах информацию. Собственно, это и не имело значения: и к тому, и к другому я всегда относился с осторожностью, зная, что и собственной памяти не каждый раз можно доверять, а уж чужим свиде-

тельствам – тем более, и тут как нельзя более кстати бывает метод перекрестного допроса. Я и применял его; однако бывают случаи, когда контрольные тесты невозможны, и ты можешь верить или не верить, принимать или не принимать, опираясь исключительно на свою интуицию, без которой в политической журналистике (а в другом ремесле и подавно) и вообще делать нечего.

Приближавшееся столетие исторического события мало кого оставляло равнодушным. Я имею в виду, конечно, то небольшое (численно) меньшинство в стране, которое интересовалось политикой в любом ее аспекте – а история с ее интерпретациями событий всегда была и остается политикой. Подавляющее большинство жителей России, целое столетие блуждавшей в поисках самой себя, к славной траурной годовщине было уже настолько отуплено проблемами выживания, что им было не до юбилеев – разве что в праздник местами давали дармовую жратву и выпивку; но такое бывало редко. Население – даже те группы и группки в его составе, которые с первого взгляда можно было принять за активные: мелкие торговцы и предприниматели – на самом деле черпали уже из последних резервов сопротивляемости, и с ними, по сути дела, можно было делать что угодно. Как в том, вековой давности анекдоте, когда согласно последнему указу правительства все жители обязаны были в массовом порядке повеситься в публичных местах. Там, в анекдоте, единственной реакцией населения после оглашения указа было:

«Веревки свои нести, или профсоюз обеспечит?» Возникни подобный указ в ноль семнадцатом году – реакция была бы до мелочей схожей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.